



Алексей Калугин
Полет мотылька

«ЭКСМО»

2002

Калугин А. А.

Полет мотылька / А. А. Калугин — «Эксмо», 2002

Все происходящее вокруг нас – это реальность или бесконечный сон, который мы видим? А может, мы сами персонажи чьих-то грез, марионетки, подвешенные на ниточки чужих сновидений? Тогда кто тот кукловод, который заставляет плясать нас под свою дудку и меняет декорации, когда ему вздумается? Ерунда – скажет кто-то. Но именно от ответов на эти вопросы зависит судьба Геннадия Калихина, на первый взгляд обычного безработного, одного из миллионов жителей мегаполиса. Ответить на них – значит вспомнить свое прошлое, остаться в живых и выйти из чудовищного эксперимента, который когда-то поставил он сам. Только удастся ли?

© Калугин А. А., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	30
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Калугин

Полет мотылька

Глава 1

Впервые о программе генетического картирования Геннадий Павлович услышал по радио, да и то по чистой случайности. Обычно Калихин радио не слушал, но в этот день у него была назначена встреча, и, чтобы не проспять, Геннадий Павлович с вечера выставил на музыкальном центре режим будильника. Будильник сработал в заданное время, но почему-то вместо компакт-диска, который Калихин накануне вечером аккуратно вставил в дисковод, включилось радио. И надо же было так случиться, что именно в это время, по той самой радиостанции, на которую оказался настроен тюнер музыкального центра, шла передача о международной программе, имеющей, как понял Геннадий Павлович, какое-то отношение к генетическим исследованиям. Захлебываясь от восторга, диктор вещал о том, что в соответствии с президентским указом, только что подписанным, – не иначе как указ вместе с завтраком подали президенту в постель, – к программе наконец-то подключилась Россия. Как и было положено, солидная программа имела название, которое с первого раза и не запомнишь. И дело тут было вовсе не в проблемах с памятью, на которую Геннадий Павлович никогда не жаловался, – спросонья он вообще мало что понял из того, о чем говорил диктор. Ясно было одно – правительство и президент готовы с юношеским энтузиазмом и комсомольским задором идти по пути новых свершений. «Еще бы им не стараться, – усмехнулся сквозь сон Геннадий Павлович, – международная общественность, как всегда, готова ссудить России кругленькую сумму на выполнение программы. Выделить-то она, может быть, и выделит, да только куда пойдут деньги – вопрос из разряда тех, которые в приличном обществе задавать не принято. Не потому, что неправильно будешь понят, а потому, что вразумительного ответа все равно не получишь».

Услышав, как тихо скрипнула осторожно прикрытая дверь, Геннадий Павлович приподнял голову и обернулся. Из умывальни вернулся сын. «Артем Геннадиевич Калихин», – мысленно произнес Геннадий Павлович. Ему нравилось, как звучало имя сына. Кроме того, оно как нельзя лучше соответствовало его внешности – опять-таки по мнению Геннадия Павловича. Артем был высок ростом и широк в плечах. Рисунок лица несколько портил лишь вялый подбородок с мягкой ямочкой, придававший двадцатичетырехлетнему парню вид закомплексованного подростка. Но кто-кто, а уж Геннадий Павлович точно знал, что сын за себя постоять умеет и свое место в жизни непременно найдет. Хотя, быть может, не так скоро, как хотелось бы. На Артеме были синие спортивные штаны, вытянутые на коленках, и белая майка без рукавов. На ногах – пластиковые шлепанцы. Через шею перекинута полотенце. В темных, коротко остриженных волосах поблескивали капельки воды. На майке когда-то был рисунок – чей-то портрет, – но после многочисленных стирок опознать полустертую личность не представлялось возможным. Прикрыв глаза, Геннадий Павлович попытался вспомнить лицо того, кто был изображен на майке, – он ведь сам когда-то покупал ее сыну, – но ничего не вышло, – перед мысленным взором выплывало все то же серое пятно, что красовалось на груди Артема.

– Горячая вода есть? – спросил без особой надежды Геннадий Павлович.

– Нет, – Артем еще раз провел полотенцем по влажным волосам и кинул его на спинку стула.

Мысль о том, что снова придется умываться холодной водой, заставила Геннадия Павловича зябко поежиться и плотнее закутаться в одеяло.

– Я думал, ты уже ушел, – сказал он, не глядя на сына.

– Успею, – коротко ответил Артем.

Геннадий Павлович хотел было спросить сына, чего это он вдруг сегодня задержался, но вовремя успел подумать о том, что, пожалуй, не стоит этого делать. Артем давно уже был не тем мальчиком, который спешил поделиться с отцом своими успехами или рассказать о возникших проблемах. Почему-то особенно резко отец и сын отдалились друг от друга после того, как остались вдвоем. Казалось бы, наоборот должны были стать ближе, а вышло все не так. Геннадий Павлович до сих пор считал, что в том была значительная доля его вины. За десять лет, что они прожили вдвоем, мог, наверное, постараться понять сына. Но не получилось. Чем старше становился сын, тем более чужим казался он отцу.

Ну, раз сказал «успею», значит, успеет. Не мальчик, поди, должен понимать, что в нынешнее время работу найти не так просто. Даже если это всего лишь работа мойщика окон. Зато в солидном заведении. Люди сутками простаивают у дверей контор по найму, надеясь получить хотя бы временную работу. Что поделаешь – спад производства. Заводы и фабрики закрываются, и тем, кто там работал, приходится искать другой заработок. А те, кто в свое время успел получить приличное образование, сейчас о нем и не вспоминают. Конечно, не все талантливые ученые смотались из страны, когда была такая возможность. Всякое случается в жизни, – вот кто-то и остался. Но если какие научно-исследовательские лаборатории еще и работают, так только на гранты, что получают из-за рубежа. То есть сделал свою работу, отдал результаты дядюшке, заплатившему деньги, и снова сиди жди следующего заказа, которого может и вовсе не быть. А на одном пособии долго не протянешь.

– Чего это ты радио включил? – недовольно буркнул Артем.

– Да я не включал, – Геннадий Павлович как будто извинялся за допущенную оплошность. – Само как-то включилось.

– Снова разводят бузу о генетической чистке, – усмехнулся Артем презрительно.

Судя по тому, как это было сказано, он уже слышал о новой национальной программе.

– Да вроде как о том самом, – не очень уверенно ответил Геннадий Павлович.

Название, предложенное сыном, ему откровенно не понравилось, но как звучало официальное название программы, он вспомнить не мог. По причине того, что резанувшее слух словосочетание «генетическая чистка» было ему незнакомо, Геннадий Павлович чувствовал себя несколько уязвленным, а потому и не стал спрашивать Артема о том, что это означает. Если дело серьезное, он о нем еще услышит. Ну а если нет, так, значит, нечего и голову себе забивать мусором всяким. В конце концов, можно было взять в метро бесплатный выпуск «Нашей России», – уж если рядом с каким делом имя президента оказалось упомянуто, так, значит, в газете о нем непременно напишут. И все же Геннадий Павлович не удержался от осторожного вопроса:

– А что ты об этом думаешь?

Сегодня был четверг, а каждый четверг, если, конечно, не случалось чего-то из ряда вон выходящего, Геннадий Павлович встречался со старыми друзьями, которых знал еще по школе. Традиция этих встреч оставалась неизменной на протяжении вот уже многих лет, а если быть точнее, то без малого четверть века. Четверо друзей играли по мелочи в маджонг, пили кофе или пиво – кому что по душе – и, само собой, между делом разговаривали обо всем на свете. На тот случай, если сегодня зайдет речь о новой национальной программе, Геннадию Павловичу следовало иметь хотя бы самое общее представление о сути предмета, дабы не упустить возможность вернуть какое-нибудь веское замечание.

– Мура все это, – коротко бросил Артем, натягивая старые залатанные джинсы.

И без чудес сверхпроницательности было ясно – разговаривать он не хочет. Не только на тему новой национальной программы, а вообще. Геннадий Павлович вздохнул обиженно, но осторожно, – так, чтобы Артем не заметил. Он и сам понимал, что тяготит своим присутствием сына. Поэтому по утрам он обычно лежал с закрытыми глазами, делая вид, что спит, до тех

пор, пока Артем не уходил на работу, а около семи вечера, когда сын возвращался домой, отправлялся на прогулку – если, конечно, погода позволяла. Что тут скажешь – взрослому парню муторно жить с отцом в одной крошечной комнатке, где даже ширму поставить негде, – все равно что каморка папы Карло, только нарисованного очага не хватает.

Геннадий Павлович вновь осторожно вздохнул, на этот раз с тоской, вспомнив о тех славных временах, когда он работал в строительной фирме, названной по имени своего основателя – чудного толстого венгра Байке Байбаха. Чем именно занималась фирма, понять было сложно. Судя по названию, что-то строила. Что именно, Геннадий Павлович не знал. Он занимался оформлением заказов на расходные материалы – краску, лак, гвозди, линолеум, паркет. Работа необременительная, ответственности почти никакой, а деньги шли очень даже неплохие. Впрочем, тогда все, кто хотел, зарабатывали неплохо. По курортам заграничным Геннадий Павлович особо не разъезжал, но пару раз с Артемом в Болгарию слетал. Золотые Пески, надо сказать, ничем не хуже той же Анталии. И двенадцать лет частной гимназии для сына Геннадий Павлович смог оплатить. Ну, а потом грянул кризис, и все, как и положено, покатило в тартарары. Фирма «Байбах» вместе с сотнями других, подобных ей, приказала долго жить. Сам господин Байке Байбах отбыл на родину, а его бывшие служащие разбрелись кто куда. После кризиса, понятное дело, индекс личного благополучия граждан Российской Федерации упал до минусовой отметки. Тех сбережений, что имелись у Геннадия Павловича, хватило ровно на полгода жизни в благоустроенной трехкомнатной квартире в не так давно отстроенном высотном доме в районе станции метро «Улица 1905 года». Когда же деньги кончились, пришлось идти в социальную службу. Карточки безработного и справки о том, что сын находится на службе в армии, оказалось достаточно для того, чтобы получить комнатку в одном из серых восьмизэтажных домов, что составляли новый район дешевых жилых застроек Марьино-3. Спустя полгода вернулся из армии Артем. С тех пор они так и жили вдвоем, стараясь не глядеть друг другу в глаза и почти не разговаривая.

Артем тем временем оделся – синие кроссовки, затертые джинсы, серая майка, – повесил сумку на плечо и окинул быстрым взглядом комнату, словно хотел убедиться, что ничего не забыл.

– Я пошел, – негромко произнес он, бросив взгляд на прячущегося под одеялом отца.

– Давай, – не глядя на сына, глухо отозвался Геннадий Павлович.

Уже взявшись за ручку двери, Артем замер, как будто вспомнил о чем-то.

– Слышь, отец?.. Ты вроде в город сегодня собирался? – спросил он, не оборачиваясь.

Хотя точно знал, что сегодня у отца встреча с друзьями.

Собственно, кроме этих встреч, у Геннадия Павловича уже ничего не осталось. Ему всего-то пятьдесят два года, а он, как старый пень, сидит целыми днями в комнате и слушает одни и те же компакт-диски. Телевизор посмотреть удастся и то лишь когда у Сивкина, пенсионера, живущего через три комнаты влево по коридору, случается меланхоличное настроение. Тогда ему становится грустно сидеть перед телевизором одному, и он топает по коридору, толкаясь в каждую дверь, в поисках компаньона. Так ведь даже пригласив к себе гостя, Сивкин все одно смотрел только свои любимые передачи – «Семейное счастье», «Молодожены», «Страна чудес» и «Веселая кадрили». Сивкину-то что, ему через полгода стюльник стукнет, ему лишь бы красивую картинку показывали, а о чем речь идет, он все одно не понимает. А у Геннадия Павловича после просмотра телепередач вроде тех, что обожал Сивкин, мигрень начиналась. Но сколько Сивкина ни проси переключиться на новости или хотя бы на фильм какой – ни в какую! Он даже сериал «Тьма над городом», от которого млели все, от мала до велика, не желал смотреть! В фильмах Сивкину не удавалось уловить сюжет, поскольку каждые десять-пятнадцать минут он начинал клевать носом и ненадолго отключался. А новости его раздражали, потому что он не видел на экране ни одного знакомого лица. Сидя в компании Сивкина перед телевизором, Геннадий Павлович начинал и себя чувствовать таким же выжившим из

ума стариканом, не способным ни на что иное, кроме как только пускать жиденькие струйки слюны, глядя на молоденьких девиц в купальниках. Встречи с друзьями по четвергам были для Геннадия Павловича той единственной отдушиной, не дававшей захиреть в тесной комнатке с окном, выходящим на зеленый мусорный контейнер, солнце в которое заглядывало – он точно засек! – всего на тридцать две минуты в сутки. Он жил, считая дни, оставшиеся до очередной встречи, на которую, наверное, пополз бы, даже если бы у него отнялись ноги.

– Так что? – не дождавшись ответа, снова спросил Артем. – Идешь сегодня?

– Иду, – мрачно буркнул из-под одеяла Геннадий Павлович.

И замер, ожидая, что теперь скажет сын.

Артем сунул руку в карман, достал несколько смятых денежных купюр, быстро пересчитал их и с сомнением прикусил верхнюю губу. После некоторого колебания он кинул на стол затертую пятидесятирублевку.

– Я вчера ничего не купил, так что пообедай сегодня где-нибудь в кафе, – сказал он, убирая оставшиеся деньги в карман.

Геннадий Павлович ничего не ответил.

Артем поправил на плече ремень сумки, быстро провел рукой по волосам и вышел за дверь. Мягко щелкнул язычок не так давно смазанного замка. Геннадий Павлович продолжал неподвижно лежать под одеялом, как будто опасался, что за ним все еще кто-то наблюдает. Радио было включено, но разговор о генетике уже закончился. Теперь какая-то певичка с визгливым голосом, надсадно подвывая, кое-как вытягивала муторную историю о трех рублях, оставшихся у нее в кармане, за которые никто не желал довести ее до дома. «Дура, – мрачно подумал Геннадий Павлович. – И тот, кто написал для нее песню, тоже дурак». Откинув одеяло, Геннадий Павлович поднялся с постели и первым делом выключил радио. Вместо того чтобы погружаться в мутный поток так называемой музыки, лучше было без конца слушать полтора десятка старых компакт-дисков, что хранились в ящике стола, – по крайней мере, точно знаешь, что услышишь. Что такое «оскоми́на»? Кто-нибудь помнит точное определение? Кислота здесь совершенно ни при чем. Скорее уж скорбь, тоска неизбежная.

Тихо прощуршав, включился компакт-диск, который Геннадий Павлович поставил в музыкальный центр вчера вечером. «Лучшие песни 20-го века». Геннадий Павлович сейчас уже и сам не помнил, когда и где купил этот диск. А может быть, подарил кто. Порой у Геннадия Павловича возникало такое ощущение, что этот диск был с ним всегда, всю жизнь, едва ли не с самого его рождения. И всякий раз звуки музыки с этого старого компакт-диска заставляли Геннадия Павловича испытывать легкую, порою даже кажущуюся приятной грусть. Было, видимо, в ней что-то такое, что трудно передать словами. Филипп Киркоров, Алла Пугачева, Борис Моисеев, Лариса Долина, Игорь Николаев – одни имена чего стоят! А вот Артем почему-то презрительно кривил губы, когда отец ставил свой любимый диск. Делал он это не демонстративно, но Геннадий Павлович все равно подмечал. «Разве поймешь эту молодежь, – снова у них пошла мода на ретро. Слушают «Слейд», «Джетро Талл», «Раш», а то и – господа поми-луй! – «Лед Зеппелин» да «Блэк Саббат» какой, будто после них никто уже музыку не сочинял! Одно слово – дети, учиться, на старших глядя, не желают, думают, что мир только вокруг них и крутится. Тут уж, как говорится, ничего не поделаешь, остается только ждать, когда время все расставит по местам». Ностальгически вздохнув, Геннадий Павлович открыл дверцу крошечного настольного холодильника. Курица в него еще, пожалуй, вошла бы, а вот с индейкой уже возникли бы проблемы. На решетчатой полочке стоял пластиковый стаканчик с черничным йогуртом и коробка с круглыми ячейками, в которые были вставлены четыре яйца с аккуратненьким штампи́ком на каждом: EU – «Европейский союз» то есть. Выбор меню на завтрак был минимальный. Геннадий Павлович вытащил из коробки пару яиц, хлопнул дверцей холодильника и, сняв с полки ковши́к с ручкой, осторожно положил в него яйца. Сунув ноги в разношенные домашние тапки, Геннадий Павлович накинул на плечи махровый халат в сине-

красную полоску, вытертый на локтях до марлевой сеточки, повесил на шею полотенце, сунул в карман зубную щетку и тюбик с пастой и, прихватив ковшик с яйцами, вышел в коридор. Привычным движением сунув руку в карман, Геннадий Павлович убедился в том, что ключи на месте, и только после этого захлопнул дверь. Не доверяя шелкнувшему замку, он на всякий случай дернул дверь за ручку и не спеша, хлопая задниками тапок по полу, зашагал по коридору.

Длина коридора была около двадцати метров, и через каждые два-три метра по обе стороны его располагались двери крошечных, похожих на клетки комнатух. В самом конце коридора находилась общественная кухня с тремя покрытыми клеенками столами и пятью электрическими плитами, умывальня с шестью раковинами, душ и туалет с тремя кабинками. Если, следуя по коридору, поднять взгляд вверх, то на потолке можно было насчитать семь круглых плафонов из толстого белого стекла. Но лампочки горели только в двух из них – посередине коридора и в самом начале, где находилась большая, выкрашенная в красно-коричневый цвет дверь, ведущая на лестничную площадку, – поэтому в коридоре всегда царил полумрак. «Как на пути в усыпальницу фараона, спрятанную в толще пирамиды», – подумал почему-то Геннадий Павлович.

На кухне, по счастью, никого не было, – настроение у Геннадия Павловича после разговора с сыном было не самым радужным, и встреча с кем-либо из соседей вряд ли помогла бы взбодриться. Включив на самую малую мощность плиту, которая показалась ему немного чище других, Геннадий Павлович поставил на нее ковшик, предварительно залив яйца водой. Пока яйца варились, он зашел в туалет, а затем направился в умывальню. На всякий случай Геннадий Павлович покрутил вентиль крана с горячей водой, но, услышав в ответ только невразумительное урчание, понял, что придется все-таки умываться холодной. По крайней мере, сейчас было лето, и из крана не лилась ледяная вода, как в январский двадцатипятиградусный мороз, когда дом две недели стоял без горячей воды и отопления.

Почистив зубы и умывшись, Геннадий Павлович двумя руками зачесал назад светлорусые волосы и посмотрел на себя в потускневшее зеркало со сколотым нижним углом. Определенно, сам себе он нравился. Пятьдесят два года, а на лице ни морщинки, – все благодаря курсам нейропластики и энзимотерапии, что успел пройти, когда работал в «Байбахе». Возраст выдавали разве что только слегка поредевшие волосы, открывавшие залысины на висках. Особенно когда их мокрыми зачешешь назад.

– Доброе утро, Геннадий Павлович!

Вздвигнув от неожиданности, Геннадий Павлович быстрым движением руки скинул волосы на лоб и обернулся.

– Здравствуйте, Марина, – произнес он, слегка запнувшись на первом слове.

Девушка, стоявшая в дверях умывальни, приветливо улыбнулась. Марина, ровесница Артема, жила в комнате номер семь с бабкой, старой и сморщенной, как древесный гриб. К ним никто никогда не приезжал, из чего Геннадий Павлович сделал вывод, что родственников у них нет. Кто были родители Марины и где они находились, Геннадий Павлович не знал, а спросить было неудобно. Роста Марина была совсем невысокого. Но при этом фигурка у нее была просто загляденье. Густые, чуть вьющиеся каштановые волосы свободно спадали до плеч, вызывая у Геннадия Павловича неизменное желание прикоснуться к ним. Широкое лицо с крупными чертами трудно было назвать идеально красивым, но было в нем некое почти таинственное обаяние, уловив которое невозможно было отвести взгляд.

Геннадий Павлович расправил плечи, незаметно втянул живот и попытался улыбнуться как можно более непринужденно. Он хотел сказать что-нибудь необычайно легкое и остроумное, но не нашел ничего лучшего, как только спросить:

– Как здоровье бабушки?

– Как обычно. – Марина недовольно наморщила носик. – Жалуется на все, что только можно, но, как мне кажется, для своего возраста чувствует она себя совсем неплохо.

Геннадий Павлович с серьезным видом сдвинул брови. Ему показалось, что Марина намеренно упомянула о возрасте, дабы напомнить, что он тоже не юноша.

– Я сегодня утром слушал по радио передачу о генетической чистке, – сказал Геннадий Павлович только ради того, чтобы перевести разговор на другую тему.

Чтобы выговорить ужасно неприятное и даже несколько пугающе звучащее название «генетическая чистка», Геннадию Павловичу пришлось сделать над собой усилие. Но, поскольку именно так назвал новую национальную программу Артем, Геннадий Павлович решил, что и Марину оно не покоробит, а прозвучит эдак по-молодежному легко и непринужденно.

– По-моему, это несерьезно, – тряхнула волосами Марина.

– Вы так считаете? – Геннадий Павлович вообще не понимал, о чем, собственно, идет речь, но не желал в этом признаться.

Марина же, вместо того чтобы как-то объяснить свое замечание, задала встречный вопрос:

– А вам самому нужен генетический паспорт?

– Мне? – растерянно переспросил Геннадий Павлович.

От окончательной потери лица его спасло шипение выплескивающейся на раскаленную плитку воды. Геннадий Павлович вспомнил о яйцах, которые поставил варить, и, извинившись, побежал на кухню. Сняв ковшик с плиты, он залил яйца холодной водой; когда же снова заглянул в умывальню, Марины там уже не было. Геннадий Павлович озадаченно прикусил губу, – зачем она вообще заходила? Подойдя к раковине, он еще раз посмотрел на себя в зеркало. Неужели Марина действительно считает его стариком? Конечно, глупо получилось, – сам же завел разговор о новой программе, а потом не знал, что сказать, – хлопал ртом, точно старый маразматик.

В противоположном конце коридора громко стукнула дверь. По тому, с каким треском дверь врезалась в косяк, Геннадий Павлович безошибочно угадал, что из своей норы выбрался старик Потемкин, – пожалуй, самый неприятный из обитателей коммуналки. Потемкин мог неделями не вылезать из комнаты, и кое-кто из соседей начинал уже опасно потягивать носом возле его двери. Но в один не очень прекрасный день Потемкин все же появлялся на свет божий. И тому, кто становился его жертвой, можно было только искренне посочувствовать. Потемкин обеими руками вцеплялся в того, кто первым попадался ему на пути, и заводил долгий, лишенный какого либо смысла рассказ, в котором прошлое причудливо переплеталось с настоящим. Сварливый и злобный, Потемкин, казалось, ненавидел целый свет. В довершение всего он, похоже, никогда не мылся, и пахло от него соответственно.

Геннадий Павлович осторожно выглянул в коридор. И мысленно возблагодарил судьбу, увидев, что в объятия Потемкина уже попался господин Шпет, которого угораздило выйти в коридор одновременно со стариком. Брызжа слюной, Потемкин что-то невнятно шамкал беззубым ртом, а Марк Захарович Шпет, в котором даже жизнь в коммунальной квартире не смогла вытравить врожденное добродушие и интеллигентность, вежливо улыбался в ответ, пытаясь незаметно высвободить рукав своей спортивной куртки из артритных пальцев старика. Боясь упустить счастливый момент, Геннадий Павлович быстро зашагал по направлению к своей комнате. При этом он с серьезным и сосредоточенным видом смотрел в ковшик, как будто в нем происходил таинственный процесс, результатом которого должно было стать превращение яиц в золотые самородки. Торопливо кивнув на ходу Шпету с присосавшимся к нему Потемкиным, Геннадий Павлович ловко, с первого раза вставил ключ в замок, дважды повернул его и скрылся за дверью. Однако он успел услышать обрывок фразы возмущенного старика Потемкина:

– ...И вы считаете это правильным, господин Шпет? Вы считаете это правильным?

– Я ничего не считаю, – пытаюсь оставаться вежливым, отвечал на это Шпет. – Полагаю, что если решение принято на государственном уровне, то оно будет выполнено вне зависимости от того, что я о нем думаю.

Глава 2

Добраться до центра Москвы городским транспортом – два с половиной часа в режиме реального времени. В районе коммунальных застроек Марьино-3 ходил только коммерческий автобус, в котором карточка безработного недействительна. До ближайшей остановки муниципального рейсового автобуса идти около получаса. И это при том, что стояли погожие июльские деньки. Зимой же, когда проезжая часть становилась вдвое уже из-за наметенного по обочинам снега, а пешеходные дорожки превращались в узкие тропки, петляющие меж сугробов в человеческий рост, на которых двум встречным разойтись не под силу, тот же самый путь занимал час, а то и больше.

Геннадий Павлович благополучно добрался до автобусной остановки. В том смысле, что не налетел на местную шпану, чувствовавшую себя вольготно в окраинных районах, куда представители службы охраны общественного порядка почти не заглядывали, – разве что патрульная машина по вызову приедет. И с автобусом повезло, – ждать пришлось всего-то минут двадцать. Так что в назначенном месте Геннадий Павлович оказался даже раньше, чем рассчитывал. Все, казалось бы, складывалось хорошо, да только все равно пребывал Геннадий Павлович в состоянии слегка подавленном. В затертом кожаном бумажнике, что прятал он в кармане брюк, лежало всего-то около ста рублей – с учетом того полтинника, что оставил утром Артем. Стыд и позор. Что можно купить на сто рублей? Два больших стакана бочкового пива. Российского. Или один стакан пива и маленькую порцию лобио. Лобио нужно взять непременно. Геннадий Павлович любил это блюдо, и, если на сей раз он от него откажется, друзья, знавшие его как облупленного, тут же просекут, что с Калихиным что-то не так. И само собой, начнут предлагать помощь. А о какой помощи могла идти речь, если у каждого из них положение было не на много лучше, чем у Геннадия Павловича. То, что только он один из всей четверки носил в бумажнике карточку безработного, вовсе не означало, что остальные могли похвастаться внезапно свалившимся на голову благополучием. Геннадий Павлович и сам никогда бы не стал получать карточку безработного, если бы знал заранее, через какие унижения придется при этом пройти. Чего стоили одни только презрительные взгляды сытых, заплывших жиром чиновников, считавших себя вершителями судеб тех, кто приходил к ним с документами на подпись! Но в то время карточка безработного представлялась Геннадию Павловичу чем-то вроде суррогата былой стабильности. Получив на руки маленький пластиковый прямоугольник, он почувствовал, как от внезапно нахлынувшей теплой радости приятно защемило сердце. Он не был выброшен государственной машиной, как ненужный, отработанный материал. Государство помнило о нем. Он получил официальный статус безработного, и теперь все те чиновники, что едва ли не пинками гнали его прочь от своих канцелярских столов, будут денно и ночно думать о том, как бы поскорее устроить господина Калихина на новую работу. Прошло два с половиной года. Работу Геннадий Павлович так и не получил. Зато стабильности было сколько угодно! Геннадий Павлович стабильно получал мизерное пособие по безработице, стабильно был обеспечен жильем в коммунальной квартире, стабильно пользовался причитающимися льготами и стабильно был уверен в том, что карточка безработного до конца дней останется для него единственным средством к существованию, – весьма скромному, но все же достойному существованию человека без особых претензий.

Традиционным местом встречи неразлучной четверки служила небольшая закусочная, расположенная неподалеку от станции метро «Курская». Называлась она весьма аппетитно – «Поджарка». В закусочной подавали изумительные мясные блюда, приготовленные по рецептам греческой кухни, и всегда имелись в наличии три-четыре сорта не самого плохого бочкового пива. И, что также немаловажно, цены были вполне божеские. Хозяин приобрел закусочную сразу после кризиса, когда подобные заведения разорялись сотнями и цены на них были до

смешного низкими. Смешно, конечно, было тем, у кого имелись деньги. Хозяин «Поджарки» деньги где-то раздобыл и с умом ими распорядился, – открыл сеть недорогих закусочных, которые вначале были убыточными, но по мере того, как народ стал оправляться после кризиса, начали себя окупать. Геннадий Павлович полагал, что не все так чисто было с деньгами, на которые была открыта «Поджарка» и подобные ей заведения, но, в конце концов, это его не касалось.

Закусочная обычно заполнялась посетителями ближе к вечеру. Сейчас же в небольшом обеденном зале из одиннадцати столиков были заняты только три. Петлин с Григоршиным расположились подальше от входа. На столе уже были разложены фишки для игры в маджонг, стояли высокие стаканы с пивом, пара тарелок – с каким-то зеленым салатом и кусочками вяленой рыбы – и маленькая розетка с соленым арахисом. Геннадий Павлович с тоской вздохнул, вспомнив о том, какие поистине лукулловы пиры закатывали они, когда все было при деньгах. Сейчас же относительно неплохо шли дела лишь у одного Григоршина. Новоизбранный столичный мэр мнил себя меценатом, тонким ценителем искусства и покровителем науки. В искусстве он отдавал предпочтение классическому реализму, а из наук уважал те, название которых ему удавалось выговорить с первого раза. В результате ряд музеев, картинных галерей и научно-исследовательских институтов оказались под крылом у мэра, где было, может быть, и не очень уютно, зато тепло, спокойно и почти сытно. Мэр строго следил за тем, чтобы работникам институтов и академий, почетным доктором и членом которых он являлся, исправно, без проволочек выдавалась зарплата, да еще и сам доплачивал из столичного бюджета. Поскольку в числе обласканных оказалась и Российская академия образования, в которой без малого тридцать лет исправно трудился Анатолий Викторович Григоршин, то он даже после кризиса остался при своей должности заведующего секцией преподавания гуманитарных наук в начальных классах общеобразовательной школы. Работой своей Григоршин был не особо доволен и, когда его спрашивали, чем конкретно он занимается, только презрительно морщил нос. Зато, в отличие от многих других российских гуманитариев, зарплату он получал с завидной регулярностью.

А вот Алекс Петлин стал безработным еще до кризиса, и сей факт ничуть не тяготил его душу. Карточку безработного Петлин не стал получать по принципиальным соображениям, поскольку таковым себя не считал. В свое время, еще до кризиса, Алекс за собственный счет издал четыре сборника стихов, а потому полагал, что у него имеются все основания именоваться поэтом. У Геннадия Павловича до сих пор хранились тоненькие книжечки с автографами автора. Глядя на них, Калихин всякий раз удивлялся – чего ради Алекс, веселый и беззаботный парень, готовый шутки ради все что угодно в два счета перевернуть с ног на голову, непременно отбирал для обложек своих книг фотографии, на которых он смахивал на мрачного демона, замученного геморроем. Поскольку заработать на жизнь стихосложением было невозможно, Петлину постоянно приходилось искать какие-то подработки. Но если прежде найти временную работу – посыльного, скажем, при фирме или разносчика заказов в супермаркете – было не сложно, то нынче число желающих наняться на работу значительно превосходило предложение. И все же Алекс каким-то образом выкручивался. Вид у него был не сказать чтобы процветающий, но в целом Петлин производил впечатление человека небедствующего. Когда же его спрашивали о том, где он берет деньги на жизнь, Алекс только отшучивался, всякий раз придумывая какую-нибудь совершенно несуразную историю. И непременно при каждой встрече читал новые стихи, писать которые он не бросил и, судя по всему, бросать не собирался. Калихину стихи нравились уже потому, что их написал друг. О подлинных же достоинствах виршей, слагаемых Петлиным, Геннадию Павловичу судить было сложно, поскольку поэзией он никогда не увлекался. Литературные предпочтения его ограничивались отечественными романами в мягкой обложке, повествующими о жизни бандитской, да сборниками анекдотов, которые порой бесплатно раздавали в метро.

Петлин первым заметил вошедшего в закуточную Геннадия Павловича и, вскочив на ноги, призывно замахал рукой, крича при этом на весь зал:

– Ну, как жизнь, безработный?

Хорошо еще, в этот час посетителей почти не было, иначе бы Калихин сгорел со стыда.

После того как, поздоровавшись с друзьями, Геннадий Павлович занял оставленное для него место, Анатолий Викторович демонстративно взглянул на часы и недовольным голосом произнес:

– Теперь Коптева не хватает – и это при том, что стрелки только-только отметили время, назначенное для встречи.

Алекс усмехнулся, раздавил в пепельнице окурочек и быстрым, привычным движением руки откинул назад длинные черные волосы, в которых не было заметно ни единой ниточки седины. «А ведь он почти мой ровесник, – едва ли не с завистью подумал Геннадий Павлович, – пятьдесят лет, а выглядит, как мальчишка, будто регулярно делает нейропластику. Дорогое, между прочим, удовольствие, не каждому по карману».

Положив локоть на спинку стула, Геннадий Павлович оглянулся и взглядом поискал официанта.

– Успокойся, Ген, – верно истолковал его почти демонстративное движение Алекс. – Мы уже все заказали. Ешь пока салатик, а когда Юлик подойдет, возьмем горячее.

Выглянувший из-за спины Геннадия Павловича официант поставил перед ним высокий граненый стакан с пивом. Геннадий Павлович сделал первый глоток и с удовольствием причмокнул губами.

– Давно, видно, пиво не пивал? – лукаво прищурился Алекс, прикуривая от зажигалки новую сигарету.

– С прошлой встречи, – не стал темнить Геннадий Павлович.

Алекс с пониманием наклонил голову.

– Нет, деньги у меня есть! – не дала промолчать Геннадию Павловичу уязвленная гордость. – Просто не было случая...

– Да ты не напрягайся, – по-прежнему с улыбкой на губах сказал Алекс. – А то еще до начала игры весь кураж растеряешь.

Григоршин помахал рукой, разгоняя дым от сигареты Петлина и, вновь посмотрев на часы, с укоризной произнес:

– А Коптева все нет.

– Если бы что-то случилось, Юлик непременно бы позвонил, – тут же заметил Геннадий Павлович.

– Да придет он! – Алекс вольготно откинулся на спинку стула. – Никуда не денется!

Григоршин как-то неопределенно дернул подбородком, – не то соглашаясь с Алексом, не то желая таким образом поставить его утверждение под сомнение.

Привстав, Геннадий Павлович потянулся к тарелке с салатом из зеленой фасоли. Когда он наклонился над столом, взгляд его случайно упал на левую руку Григоршина, где рядом с большим пальцем рос шестой рудиментарный пальчик, похожий на мизинец, маленький и смешной. Лишний палец можно было легко удалить, но Григоршин из какого-то глупого упрямства наотрез отказывался сделать это. «Кому какое дело, сколько у меня пальцев! – возмущенно взмахивал он шестипалой рукой, когда речь в очередной раз заходила о том, не стоит ли ампутировать лишний палец. – Мне лично шестой палец не мешает! А до остальных мне нет дела!» Странная ассоциативная цепь, первым звеном которой стал рудиментарный палец на руке Григоршина, вывела Геннадия Павловича на утреннее радиосообщение о новой национальной программе. Следом за этим Геннадий Павлович вспомнил, что забыл взять в метро бесплатный выпуск «Нашей России»... Черт...

Анатолий Викторович заметил взгляд Геннадия Павловича, но почему-то посмотрел после этого на Алекса.

– Я же тебе говорил, – медленно и как-то странно растягивая слова, произнес он.

Алекс усмехнулся и стряхнул пепел с сигареты.

– Что ты говорил? – непонимающе глянул на Григоршина Геннадий Павлович.

– Что ты еще ни о чем не слышал, – ответил Анатолий Викторович.

– А о чем я должен был слышать? – Геннадий Павлович перевел удивленный взгляд с Григоршина на Петлина.

– Гена у нас, как всегда, в своем репертуаре, – повернувшись к Геннадию Павловичу вполоборота, Алекс посмотрел на него так, словно наконец-то признал старого приятеля. – Новостями не интересуется, газет не читает, а в музыке по-прежнему отдает предпочтение отечественной попсе, проросшей зеленоватой плесенью на стыке двух тысячелетий.

Геннадий Павлович с гордым видом вскинул подбородок.

– А вот твое мнение о музыке меня совершенно не интересует. И если ты думаешь, что когда-нибудь сможешь меня переубедить...

Словно бы в испуге, прикрываясь от неведомой угрозы, Алекс вскинул руки. Но губы его при этом продолжали насмешливо кривиться. Не закончив начатую фразу, Геннадий Павлович сделал большой глоток пива, со стуком поставил стакан на стол и вонзил вилку в салат. С Алексом невозможно было говорить серьезно! Точно так же, как почти невозможно было понять, когда он шутит, а когда говорит по делу.

– Если ты о программе генетической чистки, – с вызовом произнес Геннадий Павлович, – то эту новость я уже слышал!

Реакция обоих приятелей на его слова показалась Геннадию Павловичу более чем странной. Григоршин быстро оглянулся назад, как будто хотел убедиться, что никто не прячется у него за спиной. А Петлин, сидевший спиной к стене, вначале перестал улыбаться и сосредоточенно сдвинул брови к переносице, а затем устремил взгляд куда-то меж декоративных потолочных балок и глубоко затянулся сигаретным дымом, так что едва фильтр не затлел.

– Ты поосторожнее со словами-то, – тихо, почти шепотом произнес Анатолий Викторович. – А то ведь...

Григоршин многозначительно шевельнул бровями.

– Да брось ты, – пренебрежительно махнул рукой Алекс. – Не те времена. Говорить можно все, что хочешь.

– Можно, – согласился Григоршин. – Вопрос только, стоит ли?

– Слушайте, – покачал головой Геннадий Павлович, – я ничего не понимаю.

– То, о чем ты говоришь, называется Международная программа генетического картирования.

– Ишь ты, – снова усмехнулся Алекс. – Уже и название выучил.

– Не выучил, а запомнил, – изменил формулировку Григоршин. – Я на память не жалуюсь.

– А в чем суть? – спросил Геннадий Павлович, чувствуя себя при этом полным идиотом. Все, ну буквально все знали о генетической программе больше, чем он! А он даже название забыл, хоть и слышал!

– Об этом лучше бы у Коптева спросить, – взяв Григоршина за запястье, Алекс глянул на его часы. – Опаздывает Юлий Никандрович – не похоже это на него.

Петлин посмотрел на Анатолия Викторовича так, словно это он был виноват в том, что Коптев до сих пор не явился. Григоршин что-то невнятно промывчал в ответ.

«В самом деле, некрасиво получается, – подумал Геннадий Павлович, – для партии в маджонг требуются две пары. Мог хотя бы позвонить и предупредить, что не сможет прийти».

– Может быть, закажем горячее? – вопросительно посмотрел на приятелей Алекс.

Геннадий Павлович чуть наклонил голову и эдак неопределенно скривил губы, – мол, поступайте, как считаете нужным. Есть за чужой счет он не хотел, а потому уже заранее настроил себя на то, что сегодня придется обойтись без мясного блюда.

– Подождем еще минут десять, – сказал Анатолий Викторович.

Алекс спорить не стал. Откинувшись на спинку стула, он достал из кармана ветровки – хорошая, кстати, ветровка, отметил Геннадий Павлович, фирменная и дорогая, наверное, – сигарету и, щелкнув зажигалкой, затянулся табачным дымом.

– Между прочим, никотин является одним из факторов изменения генома, – недовольно заметил Анатолий Викторович.

– Я знаю, – с безразличным видом кивнул Алекс.

И снова затянулся.

– Слушайте, что у вас за проблемы с этой генетикой? – обиженно глянул на приятелей Геннадий Павлович.

– Не у «вас», – поправил его Алекс, – а у всех нас. – Он развел руки в стороны и описал ими широкий круг. – У всего человечества.

Из сказанного Геннадий Павлович понял лишь то, что круг, изображенный Петлиным, должен был символизировать земной шар.

– А когда у человечества проблем не было? – усмехнулся Анатолий Викторович. – Сколько живем, все время одни проблемы. – Он протянул руку ладонью вверх, словно прося подаяние. – Где обещанный золотой век? Где Эпоха всеобщего благоденствия? Ну, или Эра милосердия на худой конец?

– Твои запросы несоизмеримы с потенциальными возможностями человека, – ответил Петлин с таким рассудительным и уверенным видом, словно он всю жизнь только тем и занимался, что разрабатывал теорию всеобщего счастья. – Человек – это вирус, заразивший Землю. Каждому индивиду изначально присуща подспудная тяга к самоуничтожению. А все вместе мы вот уже которое тысячелетие не покладая рук исправно работаем над тем, чтобы уничтожить планету, на которой живем.

– Пустая болтовня, – презрительно фыркнул Анатолий Викторович.

– Болтовня, говоришь...

Алекс раздавил в пепельнице окурочек, сделал глоток пива и, усмехнувшись чему-то своему, сунул в угол рта новую сигарету.

– Вот скажи, только честно, – прищурившись – не то от лукавства, не то просто от дыма, попавшего в глаз, – посмотрел он на Григоршина, – ты считаешь меня умным человеком или как?

Анатолий Викторович недовольно цокнул языком, – он еще не понимал, куда клонит Петлин, но ему уже не нравился начатый разговор.

– Нет-нет, – Алекс взмахнул рукой, между пальцами которой была зажата дымящаяся сигарета, – ты, пожалуйста, от вопроса не уходи!

– Хорошо, – устало поморщился Анатолий Викторович. – Я считаю тебя человеком умным. – После небольшой паузы он все же добавил: – До определенных пределов.

– А ты, Гена? – Алекс перевел взгляд на Калихина.

Геннадий Павлович молча кивнул.

– Значит, вы оба, – Петлин провел двумя пальцами с зажатой в них сигаретой от Калихина к Григоршину, – не сомневайтесь в том, что я способен принимать самостоятельные решения?

– Не сомневаемся, – недовольно дернул подбородком Анатолий Викторович. – Что дальше?

– Спасибо за доверие, друзья, – счастливо улыбнулся Алекс.

– И ты!..

Анатолий Викторович хотел было вспылить, но Петлин жестом остановил его.

– Это вовсе не шутка, – произнес он с чрезвычайно серьезным видом. – Посмотрите. – Он показал сначала Григоршину, а затем и Калихину наполовину выкуренную сигарету. – Так же, как и вы, я знаю, что никотин – это яд. И тем не менее я курю сигареты, тем самым медленно убивая себя. Почему же я это делаю?

– Миллионы людей курят, – непонимающе пожал плечами Геннадий Павлович.

– Вот именно, – тут же кивнул, соглашаясь с ним, Алекс. – И законченных идиотов среди них, смею надеяться, не так много.

– И ты объясняешь это неосознанным стремлением к саморазрушению? – саркастически усмехнулся Анатолий Викторович.

Алекс откинулся на спинку стула и глубоко затянулся.

– А как же иначе? – выдохнул он вместе с дымом.

– Я бы назвал это простой глупостью.

– Нет! – протестуяще взмахнул рукой Алекс. – Мы уже договорились о том, что я, как один из многих курильщиков, вполне ответственный человек, способный оценивать последствия своих поступков.

– В таком случае пристрастие к табакокурению можно рассматривать как один из частных случаев наркотической зависимости. Однажды вдохнув табачный дым, человек уже не может избавиться от этой пагубной привычки, поскольку в организме его происходят соответствующие изменения.

– Но ведь когда я только начинал курить, я уже знал, что делать это не следует.

Анатолий Викторович непринужденно дернул плечами, – у него уже был готов ответ:

– Желание вкушать запретный плод – вот это действительно присуще каждому человеку с рождения.

Алекс в последний раз затянулся и затушил окурок в пепельнице.

– Странно как-то устроен мир, – сказал он, вроде как ни к кому не обращаясь. – Все, что доставляет человеку удовольствие, в конечном итоге оказывается губительным для него.

– Опрометчивое заявление, – тут же парировал Анатолий Викторович. – Наркоманы всегда составляли значительное меньшинство от численности всего человечества, а уровень табакокурения к настоящему времени заметно снизился. Курящие составляют... Точной цифры я не помню, но что-то около четверти всего населения Земли.

– Включая малолетних детей и стариков, не способных самостоятельно дотянуться до пачки сигарет, – усмехнулся Алекс. И тут же взмахнул рукой, предупреждая возможные возражения. – Хорошо! Будь по-твоему. Но как быть с остальными?

– А что с остальными? – спросил, глотнув пива, Геннадий Павлович.

– Алкоголь, насколько мне известно, также вреден для здоровья, – Алекс усмехнулся и, следуя примеру Калихина, тоже приложился к стакану. – И тем не менее все мы пьем.

– Вряд ли пиво можно отнести к алкогольным напиткам, – с сомнением покачал головой Геннадий Павлович. – Да и пьем мы его не часто.

Алекс и на этот раз спорить не стал.

– Хорошо, а как насчет того, что мы едим? Ну, допустим, сейчас у нас на столе салатик, полный витаминов. Да только едим мы его что-то без особого аппетита. Зато когда подадут горячее, мы с нескрываемым удовольствием станем в невероятных количествах поглощать зажаренную на углях свинину, нафаршированную холестерином и бог знает еще какой гадостью. И это здесь, в весьма приличном и, я бы даже сказал, уважаемом заведении, где хозяин ориентируется на постоянных клиентов, а потому не старается умышленно травить их. А что за мусор мы едим во всевозможных «Бистро», «Блинных», «Пельменных», «Макдоналдсах» – во всех этих предприятиях быстрого питания, – даже подумать страшно! И ведь знаем, что гадость, а все равно едим.

– Потому что вкусно, – разяснил, как ему казалось, ситуацию, Геннадий Павлович.

Но Петлин вновь повернул все по-своему:

– Выходит, что удовольствие мы ставим выше личной безопасности.

– Еще примеры? – исподлобья глянул на Петлина Анатолий Викторович.

– Да сколько угодно, – мило улыбнулся Алекс. – Экстремальные виды спорта – чем не законный способ самоубийства? Кстати, о самих самоубийствах. Известно ли вам, господа, что из всех представителей животного мира Земли только человек может в один прекрасный день решить, что жить более не стоит, и предпринять соответствующие шаги к тому, чтобы положить этому конец?

– Жизнь такая, – мрачно буркнул Анатолий Викторович.

– Если бы все дело было только в условиях существования, то все животные, оказавшиеся в клетках, быстро нашли бы способ покончить с собой. К примеру, уморили бы себя голодом.

– Я слышал о случаях, когда животные умирали от тоски по оставившему их хозяину, – заметил Геннадий Павлович.

– Сказки по большей части, – отмахнулся Алекс. – А если и умирают, то вовсе не от любви и нежной привязанности к хозяину, а от нервного шока, который возникает в результате неожиданного выпадения из привычных условий существования. Оставить домашнее животное без хозяина – это все равно что выпустить в лес выросшего на руках у людей волчонка, – он и недели не протянет.

– Значит, человек всеми возможными способами пытается свести себя в могилу? – загадочно улыбнулся Анатолий Викторович.

Похоже было, у него появилась идея, как посадить своего оппонента в лужу.

– Прошу принять во внимание, – назидательно поднял палец Алекс, – что в подавляющем большинстве случаев делает он это неосознанно.

– Пытается себя убить и не понимает, что делает? – Геннадий Павлович скептически поджал губы.

– Какой же тогда смысл в существовании человека?

Вопрос, который задал Анатолий Викторович, должен был, по его мнению, поставить Алекса в тупик. Но тот даже на секунду не задумался. А уж о каком-то там смущении не могло быть и речи.

– Как мне кажется, я уже дал ответ на этот вопрос. Смысл существования человека, как единицы огромной колонии, именуемой человечеством, заключается в том, чтобы уничтожить среду своего обитания.

– Глупо как-то, – вставил Геннадий Павлович.

– Увы, даже в своей глупости мы не оригинальны. Точно так же поступает вирус. Проникнув в живой организм, он начинает активно размножаться, в результате чего организм погибает, а вместе с ним оказываются обречены на гибель и многочисленные потомки отважного пионера.

– Не совсем корректный пример, – заметил Анатолий Викторович.

– Конечно, – тут же согласился Алекс. – Зато какой яркий!

– Я имел в виду то, что действия вируса не подчинены разуму.

– Ты хочешь сказать, что находишь разумным то, что делает человек? – Алекс усмехнулся и покачал головой. Он сунул руку в карман, достал пачку сигарет, но вместо того чтобы вытянуть сигарету, кинул ее на стол. – В какой-то мере разумными можно считать действия одного человека. Но то, что мы делаем сообща, невозможно объяснить с точки зрения разума. Все вопросы, которые разумный человек решил бы путем переговоров, у нас решаются исключительно с помощью силы. Мальтус считал, что войны, так же как и эпидемии, способствуют поддержанию оптимальной численности народонаселения. Я же, скажу вам честно, друзья мои, придерживаюсь на сей счет иного мнения. Человечество ищет оптимальный способ самоубийства. Такой, чтобы разом уничтожить не только себя, но и Землю. Используя весь свой научно-

технический потенциал, мы старательно разрушаем мир, в котором живем. Следовательно, разум человека – это орудие, с помощью которого он эффективно строит для себя дорогу в небытие.

– Если так рассуждать, то получается, что природа создала человека лишь для того, чтобы он ее уничтожил. Отсюда следует, что суицидальная идея является первоосновой всего сущего, что само по себе совершенно бессмысленно. А поскольку неверен даже первоначальный посыл, то все твои псевдологические умопостроения лишены какого-либо смысла.

Сказав это, Анатолий Викторович довольно улыбнулся, будучи уверен, что на этот раз уж точно припер соперника к стенке. Полагая, что теперь Петлину придется как следует поломать голову для того, чтобы разрушить возведенную им логическую преграду, он пододвинул поближе тарелку с салатом и взялся за вилку.

Алекс достал из пачки сигарету, повертел ее в пальцах, затем поставил пачку набок и возложил сигарету поверх нее. Геннадий Павлович с любопытством наблюдал за его действиями, ожидая, что за конструкция выйдет из-под рук Петлина. А тот неожиданно ударил по концу сигареты пальцем, так что она, вращаясь, взлетела вверх и упала точно в его подставленную ладонь. Такого трюка в исполнении Петлина Геннадий Павлович прежде не видел.

– По-моему, ты проиграл, – сказал он.

Рука Алекса, в которой он держал сигарету, замерла в воздухе. Выражение лица Петлина почти не изменилось, только левая бровь удивленно изогнулась.

– Разве?

Геннадий Павлович растерялся. Ему казалось, что он внимательно следил за ходом спора и в целом уловил его суть.

– А разве нет? – Он перевел взгляд с Алекса на Анатолия Викторовича.

Григоршин ничего не ответил, сделав вид, что занят салатом.

Петлин сунул сигарету в рот и поднес огонек зажигалки к ее кончику.

– Мне можно засчитать проигрыш только в том случае, если принять на веру тот факт, что идея создания человека принадлежит земной матушке-природе, – Алекс выпустил к потолку тоненькую струйку табачного дыма. – В чем я лично сильно сомневаюсь.

– Почему? – спросил Геннадий Павлович.

– Потому что, будь это так, само понятие здравого смысла теряет какой-либо смысл. И Вселенная превращается в огромный театр абсурда, в котором разыгрывается одна бесконечно длинная пьеса под названием «Смерть мироздания». В пьесе той нет режиссера, и ни один из исполнителей не знает своей роли. Кто-то, быть может, скажет, что это смешно, я же скажу – глупо. По-настоящему глупо, без дураков.

Геннадий Павлович чувствовал, что в выкладках, которые делал Алекс, имеется слабое место, но никак не мог понять, где именно. Не первый год зная Петлина, он был в курсе, что импровизационное создание бессмысленных теорий является одним из любимых развлечений Алекса. Если только находился человек, готовый слушать, Алекс мог с вдохновенным видом нести откровенную чушь, в которую и сам не верил.

Анатолий Викторович вновь, уже в который раз, глянул на часы. Коптев опаздывал уже совершенно неприлично. Настолько, что возникал вопрос: а стоит ли ждать?

Юлий Никандрович Коптев объявился именно в тот момент, когда Григоршин собирался вынести данный вопрос на обсуждение. Невысокого роста, плотного телосложения, с огненно-рыжей шевелюрой, – Геннадий Павлович при виде его всегда почему-то представлял себе таксиста с десятилетним стажем работы. Портили образ только круглые, не в меру розовые щеки, исключительно добродушное выражение лица и маленькие круглые очки в тонкой металлической оправе.

– Прошу простить за опоздание! – Развернув оставленный для него стул, Коптев упал на сиденье, обвел радостным взглядом всех присутствующих и объявил: – Сегодня за все плачу я!

Лицо Коптева сияло, точно начищенный медный таз на солнце, а улыбка была столь широкой, что казалось, ему приходилось постоянно держать себя в руках, дабы не разинуть безобразно рот и не разразиться диким, совершенно непристойным хохотом. Право же, давненько не доводилось Геннадию Павловичу видеть настолько счастливого человека, что при одном только взгляде на него становилось завидно до полного отвращения, почти до тошноты. В данном случае ситуацию отчасти сглаживало то, что счастливым был не совсем посторонний человек, а старинный приятель, который к тому же готов был, не откладывая дела в долгий ящик, тут же, немедленно поделиться своей радостью с друзьями.

– Нашел бумажник, набитый евро?

По тому, с какой ленцой Алекс задал вопрос, можно было решить, что его ничуть не интересует ни причина восторженного состояния Коптева, ни то, почему он прибыл на встречу с изрядным опозданием. Но безразличие это было настолько откровенным, что не возникало сомнений – Петлин вошел в образ любимца муз, мыслящего иными категориями, а потому и ведущего себя не так, как другие. Тот факт, что воплощение соответствующего образа зачастую оборачивалось откровенной игрой на публику, ничуть не смущал поэта – долг превыше всего.

Юлий Никандрович был слишком захвачен той бурлящей радостью, что клокотала в нем, словно крутой кипятильник в электрочайнике с золотой спиралью, чтобы обращать внимание на шуточки да подначки. Он залпом выпил полстакана пива, недовольно поморщился – в ожидании его пиво успело согреться, – схватил первую подвернувшуюся под руку тарелку с вяленой рыбой и принялся поедать ее с такой жадностью, словно не ел три дня. В один момент опустошив тарелку, он окинул взглядом стол и вроде как даже с обидой спросил:

– А где горячее?

Алекс поднял руку и сделал знак повару, отдыхавшему возле стойки бара. Повар кивнул в ответ и направился к открытому очагу.

– И еще по пиву каждому! – крикнул вслед ему Юлий Никандрович.

Молоденький официант – лет двадцати, в красной курточке потянул на себя ручку тугого крана. В подставленный стакан ударила свернувшаяся жгутом янтарная струя. Но парень аккуратно наполнял стаканы, по краешку, без пены.

– Мне только лобио, – не очень уверенно подал голос Геннадий Павлович.

Несмотря на замечание Юлия Никандровича по поводу расчетов за угощение, Геннадий Павлович не желал выглядеть откровенным нахлебником. К тому же сама фраза: «Плачу за всех» – в устах профессора Коптева, работавшего в лаборатории медицинской генетики, сотрудникам которой вот уже полгода как не платили зарплату, звучала даже не то что странно, а попросту дико. И не исключено было, что выпалил ее Коптев сгоряча, в шутку, – чтобы загладить как-то свое опоздание. Ведь именно он, а не кто иной на каждой встрече возносил осанну жене, работающей в службе социального обеспечения, которая на свою зарплату содержала и фактически безработного профессора, продолжавшего с маниакальным упорством ежедневно ездить в лабораторию, и младшую дочь, заканчивающую в этом году колледж. Откуда у него могли появиться деньги? Не карлика же с горшком золота – как его там правильно называют? – он поймал? Тем более что и водятся эти хитрые карлики не у нас, а где-то на Западе. Однако не успел Геннадий Павлович сделать свое замечание насчет лобио, как Юлий Никандрович тут же строго глянул на него поверх оправы очков.

– Ты что, не слышал? Я за все плачу!

Юлий Никандрович выразительно похлопал себя по груди, давая понять, что во внутреннем кармане его старомодного, вытертого на локтях светло-коричневого пиджака достаточно денег для того, чтобы расплатиться.

Пару раз взмахнув широким полукруглым веером, повар сдул серый слой золы, покрывавший угли в очаге, и они засияли огненно-алым цветом, подобно сказочным рубинам. Кинув веер на стол, повар уложил на решетку четыре больших, в два пальца толщиной, куска свинины.

Геннадий Павлович слабо улыбнулся и слегка развел руками, желая показать, что вопрос не стоит того, чтобы спорить. И все же с сотней рублей в кармане он чувствовал себя как-то не очень уютно.

Ситуацию разрядил официант, принесший свежее пиво. Юлий Никандрович залпом допил то, что еще оставалось в стакане, и, не делая паузы, тут же взялся за другой. Возникшее было разногласие в выборе меню легко и просто оказалось отодвинутым в сторону, и о нем как-то сразу позабыли. Тем более что имелась куда более интересная тема для разговора.

Вопрос, занимавший всех, задал Анатолий Викторович. Но прежде чем сделать это, он поставил руку локтем на стол, повернув голову, оперся щекой о согнутые пальцы и окинул сидевшего рядом с ним Коптева взглядом, характерным для посетителя кунсткамеры, изучающего диковинный экспонат.

– Так в чем секрет твоего счастья, Юлик?

Вопрос был задан таким образом, что ответить на него можно было просто шуткой, после которой никто больше не стал бы приставать с расспросами. В конце концов, у каждого могли иметься секреты, которыми без крайней необходимости не следует делиться даже с самыми близкими друзьями. А денежные вопросы, в силу своей специфики, вообще требуют крайней деликатности.

Но Юлий Никандрович даже и не подумал сделать таинственное лицо на манер рыбака, что, вернувшись домой с полным садком рыбы, молчит, точно в рот воды набрал, когда его спрашивают, где он столько наловил. Поставив на стол недопитый стакан, Коптев хитро прищурился и посмотрел по очереди на каждого из приятелей – Калихина, Петлина, Григоршина, – после чего направил в потолок указательный палец и чуть приглушенным голосом торжественно возвестил:

– Новая национальная программа!

На какое-то время за столом воцарилось молчание, – полученная информация требовала осмысления.

– Вы что, – удивленно посмотрел на друзей Юлий Никандрович, – ничего об этом не слышали?

– Ты имеешь в виду программу генетической чистки? – спросил негромко Алекс.

Юлий Никандрович презрительно поморщился.

– Фи, что за вульгарщина? – Он насмешливо помахал перед лицом ладонью, как будто отгоняя неприятный запах. – Речь идет о Всероссийской национальной программе, являющейся составной частью Международной программы генетического картирования.

– Длинно и нескладно, – высказал свое мнение Алекс.

– Зато точно отражает суть того, что предстоит сделать, – возразил Юлий Никандрович.

И похоже было, что говорил он это совершенно серьезно.

На губах Алекса появилась усмешка, холодная, как кубик льда, только что извлеченный из холодильника.

– Выходит, ты президенту приглянулся?

– Почему я? – Юлий Никандрович недоумевающе взмахнул рукой. – Вся наша лаборатория. И не только она одна. Программа настолько обширна, что в ней будут задействованы все специалисты в области биохимии и генной инженерии, что еще остались в стране.

– А деньги? – спросил Геннадий Павлович. – Или снова все на одном энтузиазме?

– Гена! – Юлий Никандрович развернулся в сторону Калихина, поставил руку локтем на стол и взмахнул кистью, точно плетью. – Речь идет о международной программе. – Кисть заняла вертикальное положение. – Между-на-род-ной! – по слогам повторил Коптев. – И деньги на ее реализацию выделяет Гуманитарный фонд содействия развитию стран третьего мира.

– А мы уже в третьем мире? – с невинным видом поинтересовался Алекс.

– Ты разве об этом не знал? – удивленно глянул на него Анатолий Викторович.

Алекс смущенно пожал плечами.

– Извините, я не заметил даже того, как мы проскочили второй мир. Или мы движемся снизу вверх?

Анатолий Викторович недовольно поморщился и махнул на Петлина рукой.

– Сегодня к нам в лабораторию заявила государственная комиссия, – продолжал между тем Юлий Никандрович. – Всем желающим работать по программе генетического картирования предложили заключить долгосрочные договоры. Кроме того, с нас потребовали списки оборудования и реактивов, необходимых для того, чтобы наладить работу лаборатории, – Коптев вновь поднял вверх указательный палец, – на мировом уровне!

– Легко быть добрым за чужой счет, – язвительно заметил Алекс.

– Легко и приятно, – поддержал и дополнил Анатолий Викторович. – Кто-нибудь хочет сделать ставку на то, в чей карман ляжет половина денег, отпущенных Гуманитарным фондом на покупку пробирок для лаборатории Юлика?

– Лучше на процент, – тут же отозвался Алекс. – Готов биться об заклад, пятьдесят процентов – для наших чиновников не предел.

– Фу, какие вы недобрые, ребята, – с деланной обидой поморщился Юлий Никандрович.

– А ты, должно быть, рад безмерно тому, что твоей лаборатории хоть что-то перепадет? – усмехнулся Алекс.

– Рад, – честно признался Юлий Никандрович. – Потому что, в отличие от поэта, ученому, чтобы плодотворно трудиться, недостаточно листа чистой бумаги и карандаша.

Алекс положил руки на стол и подался вперед.

– Но ведь эти деньги будут украдены из твоего кармана, – произнес он тихо, глядя Коптеву в глаза.

– Ошибаешься, – ласково улыбнулся в ответ Юлий Никандрович. – У меня в кармане не было ничего до тех пор, пока тот самый чиновник, которого ты готов пригвоздить к позорному столбу, не положил туда что-то.

Юлий Никандрович выразительно постучал кончиками пальцев по левой стороне груди, где находился внутренний карман.

– Разрешите, – вежливо обратился к нему официант, незаметно подошедший сзади.

– Прошу вас! – Юлий Никандрович отодвинулся в сторону, давая официанту возможность подойти к столу.

Поставив на край стола огромный овальный поднос, расписанный под хохлому, официант быстро переставил на стол четыре тарелки, с улыбкой сказал:

– Приятного аппетита, – и удалился.

Юлий Никандрович втянул носом аромат, исходящий от поданных блюд, с предвкушением потер руки и сразу же взялся за вилку и нож. Никого не потребовалось просить следовать его примеру. Разве что только Геннадий Павлович ради приличия подождал, пока все разберут тарелки, и взял себе ту, что осталась последней. На тарелках лежали огромные куски румяной, зажаренной до хрустящей корочки свинины, обрамленные золотистой картофельной соломкой и влажной зеленью. Законченность натюрморту придавало красное, немного неровное пятно кетчупа на краю тарелки.

На какое-то время разговор за столом угас. Впрочем, ненадолго. Запив очередной восхитительный кусочек мяса глотком холодного пива, Алекс промокнул губы салфеткой и потянулся за сигаретами.

– И сколько тебе обещают платить, Юлик? – спросил он, щелкнув зажигалкой.

Юлий Никандрович, не прекращая жевать, покачал головой.

– Пока еще не знаю. Точных цифр не называли, но сказали, что сотрудники, занятые в проекте, будут обеспечены всем необходимым.

– В смысле работы? – уточнил Геннадий Павлович.

– И в смысле работы, и в смысле заработной платы. Была даже сказана фраза насчет улучшения жилищных условий ряда сотрудников.

– Королевский жест, – язвительно скривил губы Алекс.

Юлий Никандрович глянул на него поверх очков и, ничего не ответив, принялся работать ножом.

– Хорошо, – отодвинув пустую тарелку, серьезно произнес Анатолий Викторович. – С вопросами финансирования мы мало-мальски разобрались. Меня куда больше интересует сам проект. Я не перехожу границ дозволенного, Юлик?

Озадаченный, Юлий Никандрович даже жевать перестал.

– В каком смысле?

– Подписку о неразглашении с тебя, часом, не брали?

Юлий Никандрович едва куском мяса не подавился.

– Да вы что, ребята! – обиженно посмотрел он на троицу, сидевшую за одним с ним столом. – Это же не секретные военные разработки, а открытый международный проект!

– Об этом проекте уже давно говорят, но до сих пор ничего толком так и не сказали, – Анатолий Викторович наколот на вилку ломтик картошки, поднял вверх и посмотрел на него так, словно это был нераспустившийся бутон орхидеи. – Лично меня подобная позиция властей всегда настораживает.

Геннадий Павлович смекнул, что не только он один плохо осведомлен относительно новой национальной программы, а потому решил повторить слова, услышанные утром от Марины:

– А по-моему, это несерьезно.

– Что именно? – спросил Юлий Никандрович.

Взгляд Геннадия Павловича растерянно метнулся по сторонам. Не найдя ничего лучшего, Геннадий Павлович схватил со стола недопитый стакан пива и жадно припал к нему губами.

– Я согласен с Генкой, – неожиданно поддержал его Алекс. – Более того, я считаю безнравственным делить людей по категориям на основании генетического картирования. Тут уже пахнет не то что ущемлением прав личности, а обыкновенным фашизмом.

– Ну, вы даете, ребята! – едва ли не с восхищением покачал головой Юлий Никандрович. – Вы это серьезно, да? Действительно ничего не знаете о проекте генетического картирования?

– Мне известно только то, что этот проект уже окрестили генетической чисткой, – солидно произнес Геннадий Павлович.

– Ну, название-то у нас быстро придумают, – усмехнулся Юлий Никандрович. – По сути же проект является международной медицинской акцией, призванной очистить генофонд человечества от дефектных генов. Честно говоря, проблема давно назрела. Решение ее тормозилось чисто экономическими причинами, – до недавнего времени генетическое картирование было дорогим удовольствием. Три года назад в Англии была разработана быстрая и относительно недорогая методика генетического картирования. Теперь каждый желающий может получить свою генетическую карту...

– Только желающие? – уточнил Анатолий Викторович.

– Насколько мне известно, обязательному генетическому картированию подлежат лишь группы лиц, относящиеся к категориям повышенного риска, – наркоманы, гомосексуалисты, работники вредных отраслей производства. Но правительства стран, принимающих участие в программе, стараются заинтересовать своих граждан в генетическом картировании. Ведутся разъяснительные работы с малограмотными слоями населения, – Юлий Никандрович лукаво улыбнулся, – чем я, собственно, сейчас и занимаюсь. Используются различные экономические методы, как, например, налоговые льготы для обладателей генетических карт. – Я слышал,

мы согласились присоединиться к проекту после того, как западники пригрозили, что даже туристов не станут пускать к себе без генетических карт, – сказал Алекс.

– Может быть, и так, – не стал спорить Юлий Никандрович. – Не в этом суть. А в том, что даже на той территории, что называется сейчас Россией, совсем не просто обеспечить поголовное генетическое картирование населения.

– Ты же только что говорил о том, что генетическое картирование проводится на добровольной основе, – напомнил Геннадий Павлович.

– Добровольное, обязательное – какая, собственно, разница, – недовольно поморщился Юлий Никандрович. – Суть в том, что, не поставив под контроль чистоту генофонда, человечество в скором времени окажется обречено на деградацию с последующим вымиранием.

– Мы в любом случае обречены на вымирание. А деградируем уже давно и успешно.

Голос Алекса звучал до противного уверенно. Казалось, он не допускал даже мысли о том, что кто-то может попытаться оспорить его мнение. Но Юлий Никандрович и не собирався этого делать. Анатолий Викторович же не стал высказывать своих сомнений относительно неизбежности вымирания человеческой расы. Один только Геннадий Павлович счел нужным заметить:

– Ну, понятное дело: загрязнение окружающей среды, озоновые дыры, радиация, пищевые добавки...

– Проблема не только в этом, – Юлий Никандрович сделал глоток пива. – Благодаря успехам медицины мы создали условия для выживания особей, несущих в своем геноме дефектные гены. Многие из тех, кто страдает различными формами наследственных заболеваний, в прошлом веке, – да что там, всего каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад, – были бы обречены на гибель. Сейчас же они не только могут прожить долгую и вполне благополучную жизнь, но еще и успевают обзавестись детьми, которые так же становятся носителями дефектных генов. И, между прочим, по статистике, люди, страдающие различными наследственными синдромами, связанными с расстройством умственной деятельности, уделяют куда больше внимания продолжению рода, нежели те, кто способен дать здоровое потомство.

– Ну, естественно, – усмехнулся Алекс. – Чем им еще заниматься? Не книжки же читать?

– И это только одна сторона проблемы, – продолжал Юлий Никандрович, не обращая внимания на замечание Петлина. – Огромное число людей, по внешним показателям вполне здоровых, также являются носителями дефектных генов. Они даже не подозревают об этом, поскольку в их геномах дефектные гены находятся в рецессивной форме. Попросту говоря, они хранят в себе информацию, которая не приводит к серьезной патологии лишь потому, что находится в неактивном состоянии. Но стоит двум рецессивным генам встретиться, как они проявляют себя в полной мере. В результате у вполне здоровых родителей рождается больной ребенок, которому, чтобы выжить, требуется активная медицинская помощь. Но даже в том случае, если носителем дефектного рецессивного гена является только один из родителей, вероятность того, что ребенок его унаследует, весьма велика. Таким образом, круг замыкается. В зоне возможного риска оказывается практически каждый. Процесс накопления дефектных генов примет лавинообразный характер, если в самое ближайшее время не поставить его под контроль. Работой по очистке генофонда от патологических мутаций, которую прежде выполняла сама природа, теперь должен заняться человек. Если он, конечно, намерен выжить как вид.

– И каким же образом? – поинтересовался Анатолий Викторович.

– Простейший пример: гемофилия. У больного плохо, а то и вовсе не сворачивается кровь. Страдают этим заболеванием только мужчины, но передается оно исключительно по женской линии. Причина заболевания – X-сцепленный рецессивный ген. Достаточно выявить всех носительниц гена гемофилии и отсечь их от следующих поколений, и человечество будет избавлено от этого заболевания.

– Разве подобные заболевания не лечатся с помощью генетической терапии?

– К сожалению, существующие методы лечения не гарантируют того, что исправленный ген не вернется в первоначальное состояние через два-три поколения. Действуя подобным образом, мы, по сути, не лечим болезнь, а загоняем ее вглубь. Слабым утешением может служить лишь то, что массированный всплеск генетических заболеваний, когда исправленные гены вновь выйдут из-под контроля, произойдет, скорее всего, уже не при нашей жизни.

К тому моменту, когда Юлий Никандрович закончил свою речь, взгляд его оказался почему-то устремлен не на кого-нибудь, а именно на Геннадия Павловича. Понимая, что теперь ему следует что-то сказать, Калихин придал лицу глубокомысленное выражение, для чего слегка прикусил верхнюю губу. Затем он сделал непонятный жест рукой, сопроводив его словами:

– Получается что-то вроде захоронений радиоактивных отходов, которые рано или поздно придется перезахоранивать заново.

– Отличное сравнение, Гена! – довольно шелкнул пальцами Юлий Никандрович. – Я сам не сказал бы лучше!

– Я уяснил суть проблемы, Юлик. – Алекс положил на край стола левую ладонь и сильно прижал, как будто что-то прятал под ней. – Но я не понял, что ты имел в виду, когда говорил об отсечении носителей дефектных генов от следующих поколений?

– Пример с гемофилией, который я привел, наиболее простой, а потому методы устранения дефектного гена в данном случае вполне очевидны, – как-то очень уж торопливо заговорил Юлий Никандрович. – При иных патологических изменениях генома путь избавления от них может оказаться куда более долгим и сложным. В том и будет заключаться наша работа, чтобы найти оптимальные методы...

Ладонь Алекса поднялась вверх, заставив Юлия Никандровича умолкнуть на полуслове. Попытка уйти от прямого ответа не удалась.

– Что значит «отсечь от следующих поколений»? – повторил свой вопрос Петлин.

– Хочешь сказать, что сам этого не понимаешь? – недовольно буркнул в ответ Юлий Никандрович.

Подцепив на вилку кусочек остывшей картошки, он сунул ее в рот и с выражением отвращения на лице принялся старательно жевать, словно тренируясь для съемки в рекламе анти-никотиновой жевательной резинки.

– Это означает контроль за рождаемостью?

– Возможно, – ответ прозвучал неразборчиво, как будто несчастному Юлию Никандровичу приходилось говорить с набитым ртом. Вот только картошку к тому времени он уже прожевал.

– Что значит «возможно»? – недоумевающе развел руками Анатолий Викторович. – Ты ведь сказал, что проект открытый!

– Я буду заниматься только научной частью проекта. – Словно отсекая все дальнейшие расспросы, Юлий Никандрович слегка пристукнул ребром ладони по краю стола. – Опираясь на опыт стран, уже работающих по данному проекту, моя и целый ряд других лабораторий будут заниматься разработкой стратегии удаления тех или иных дефектных генов из популяции применительно к местным условиям. Все. – Юлий Никандрович еще раз стукнул ребром ладони по столу. – Каким образом они будут претворяться в жизнь, я лично не имею ни малейшего представления. И, честно говоря, знать не желаю. Должно быть, эти задачи возьмут на себя другие ведомства. Даже картированием геномов будем заниматься не мы, а специализированные лаборатории, которые планируется открыть при районных поликлиниках. Курировать их, между прочим, будет Минбез.

– Министерство безопасности? – Алекс глянул на Юлия Никандровича так, словно тот сказал что-то совершенно непристойное.

Юлий Никандрович непонимающе моргнул и даже не сразу нашел что ответить.

– Ну да, – как-то совсем уж растерянно произнес он, пытаясь понять, чем так зацепили Петлина его слова.

– Почему Минбез занимается медицинской программой? – Алекс как будто не просто задавал вопрос, а уже готов был вынести обвинение. Вот только в чей именно адрес оно будет направлено, пока оставалось непонятным.

– Ну, во-первых, неконтролируемое распространение дефектных генов самым непосредственным образом угрожает государственной безопасности. Не приняв решительных мер для того, чтобы воспрепятствовать этому процессу, мы в недалеком будущем превратимся в нацию инвалидов.

Петлин отодвинул в сторону пустую тарелку и, навалившись грудью на стол, повторил свой вопрос, сформулировав его несколько иначе:

– Но при чем здесь Минбез?

Юлий Никандрович тяжело вздохнул, словно преподаватель латыни, которому вновь, уже в который раз, предстояло вдалбливать один и тот же урок нерадивому ученику, и самым обидным являлось для него то, что он был почти уверен, что наука его не пойдет впрок тому, кто упорно не желал ее усваивать.

– А по-моему, все ясно. – Геннадий Павлович посмотрел на друзей. Ответ на вопрос, заданный Алексом, казался настолько очевидным, что он не мог понять, почему никому другому он не пришел в голову. – Под программу генетического картирования выделены значительные средства международных организаций. Не так давно мы уже прикинули, сколько денег получит лаборатория Юлика из той суммы, что им причитается. А сотни, тысячи лабораторий генетического картирования, разбросанные по всей стране и существующие на казенные деньги, – да это же просто золотое дно для вороватых чиновников. Единственная организация, которая может осуществить подобную программу в масштабах всей страны, сведя потери к минимуму, это Министерство безопасности.

Ответом ему стали взгляды, в которых не присутствовало даже намек на понимание.

– Гена у нас, как всегда, склонен к идеализму, – заметил Алекс и ободряюще улыбнулся Геннадию Павловичу, – мол, ничего, со всяким случается.

– Ну, почему же, – не очень уверенно и как-то совсем уж вяло попытался поддержать Калихина Юлий Никандрович. – В том, что он сказал, присутствует рациональное зерно.

– Если только это зерно маковое, – заметил Алекс.

– Бред полнейший, – фыркнул не склонный даже к зачаточному оптимизму Анатолий Викторович.

– Почему? – непонимающе посмотрел на него, как на последнего, высказавшего свое мнение, Геннадий Павлович.

Анатолий Викторович только рукой махнул:

– А-а! – и, глянув в свой стакан, давно уже пустой, разочарованно цокнул языком.

Петлин тут же взмахнул рукой, подзывая официанта.

– Нет, я все-таки не понимаю...

Алекс поставил руку на стол и развернулся вполборота к Геннадию Павловичу.

– Ген, ты на полном серьезе это говоришь?

Геннадий Павлович почувствовал неуверенность. Но только на пару секунд. Позиция, на которой он стоял, казалась настолько прочной, что не допускала никаких проявлений слабости.

– Да, – уверенно кивнул он.

– Четыре пива, – сказал Алекс подошедшему официанту, после чего вновь сосредоточил внимание на Геннадии Павловиче. – Ты полагаешь, что Министерство безопасности – это единственная государственная организация, сохранившая чистоту рядов, высокие моральные принципы и идеалы служения народу?

– И еще доверие людей, – добавил Геннадий Павлович.

– Каких людей?! – не то удивленно, не то возмущенно всплеснул руками Анатолий Викторович.

– А я готов согласиться с Генкой, – опередил Геннадия Павловича Алекс. – После кризиса подавляющее большинство населения отказало в поддержке ныне существующей власти. Все разговоры о том, что Россия вышла из кризиса со значительно меньшими потерями даже по сравнению с наиболее развитыми странами Западной Европы, способны вызвать разве что скрежет зубов у тех, кто за один день потерял все, что имел, включая надежду на то, что все еще может образоваться. А заверениям правительства о том, что кризис самым благоприятным образом сказался на экономическом положении страны и производство сейчас развивается невиданными темпами, а инфляция стоит на месте, точно валун, вросший в землю еще во времена ледникового периода, давно уже никто не верит. И что же делать бедному народу? Где искать опору и спасение? Не знаю, в чьей голове родилась мысль запустить в оборот миф о безупречной чистоте и бесконечной преданности своему делу работников Минбеза, но голова эта, вне всяких сомнений, достойна восхищения. Момент, когда настала пора скормить народу сказку о славных минбезовцах, был выбран с ювелирной точностью. Несколькими днями раньше или позже – и идея не сработала бы. Ну а то, с какой виртуозностью и, я бы даже сказал, изяществом проводилась сама кампания, просто выше любых похвал. Не было даже намека на привычную тупую прямолинейность, когда примитивную мысль пытаются загнать в голову гражданину, точно гвоздь, что заколачивают в стену кувалдой. Все было сделано настолько точно и ловко, что почти никто не заметил, как подспудно ему на подкорку записывают развернутое признание в любви к родному Минбезу. Один телесериал «Тьма над городом» чего стоит! И денег не пожалели, – сняли не хуже, чем западники делают. Поначалу мне и самому понравилось.

– Я тоже видел несколько серий, – кивнул Анатолий Викторович. – Продукт качественный, но по сути своей – дурь полнейшая.

– Это тебе так кажется, – усмехнулся Алекс. – А вот Генке наверняка нравится. Так ведь, Ген?

– У меня телевизора нет, – глядя в сторону, признался Геннадий Павлович.

Можно было, конечно, соврать и сказать, что видел сериал, поскольку основная сюжетная канва была ему известна. Но Геннадий Павлович боялся оказаться в неловком положении, если дело дойдет до обсуждения деталей.

– А чем тебе сериал не угодил? – спросил у Алекса Юлий Никандрович. – Вполне приличный фильм, – можно посмотреть, если вечером заняться нечем.

– И часто ты его смотришь? – задал встречный вопрос Алекс.

– Ну... Может быть, раз в неделю.

– А то и раз в месяц, – уточнил Анатолий Викторович. – Можно подумать, тебе делать больше нечего, как только сериал про Минбез смотреть.

– А народ смотрит «Тьму над городом» каждый день, рот разинув от восторга и млея от каждой фразы, брошенной старшим инспектором Минбеза Сарпатовым. – Алекс резким, нервным движением выдернул из пачки сигарету, сунул ее в рот и щелкнул зажигалкой. – А сколько громких преступлений было раскрыто за последние пару лет Минбезом! Сколько денег, разворованных хитроумными дельцами, было возвращено народу! Даже сепаратисты на время как будто притихли...

Дым сигареты попал Алексу в глаз. Чертыхнувшись, он принялся тереть глаз пальцем, размазывая слезы по скуле.

– А что в этом плохого? – спросил Юлий Никандрович.

Геннадий Павлович быстро кивнул, давая понять, что согласен с поставленным вопросом, – он тоже не видел никакого криминала в том, что работники Министерства безопасности добросовестно исполняли свой долг.

Алекс взмахнул ладонью с зажатой меж пальцами сигаретой, пытаясь разогнать дым.

– Юлик, если ты скажешь, что веришь всему, что пишут газеты, я стану думать о тебе очень плохо.

Юлий Никандрович хмыкнул неопределенно и принялся ковырять вилкой холодную картошку, есть которую он не собирался.

Геннадий Павлович хотел было высказать собственное мнение по поводу того, насколько исправно выполняло возложенную на него работу Министерство безопасности, а заодно и насчет того, почему в последнее время бравые ребята из Минбеза – песочного цвета полевая форма, перетянутая в поясе широким кожаным ремнем с начищенной бляхой, украшенной двуглавым орлом, ботинки на высокой шнуровке и лихо заломленный краповый берет – стали если и не народными героями, то уж точно всеобщими любимцами. Но возникшая в разговоре пауза красноречиво свидетельствовала о том, что продолжать данную тему никто не собирался, и Геннадий Павлович решил смолчать.

Громко звякнула вилка, что кинул на край тарелки Юлий Никандрович.

– Я так понимаю, что играть мы сегодня не будем? – спросил он и посмотрел на Анатолия Викторовича.

Григоршин молча пожал плечами.

– А скажи мне, Юлик, – подал голос Петлин. – Что ты сам думаешь по поводу программы генетического картирования?

– В каком аспекте? – уточнил вопрос Юлий Никандрович.

– Ну, вообще. – Алекс сделал крайне неопределенный жест рукой. – В плане всего того, о чем мы говорили.

Юлий Никандрович приподнял подбородок и возложил поверх него ладонь левой руки. Глядя на него, можно было подумать, что он пытается самому себе зажать рот. Да и взгляд у него был, как у затравленного собаками кролика, который наконец-то добежал до норы и вдруг увидел, что возле нее сидит лиса. Кончиком пальца свободной руки Юлий Никандрович приподнял конец вилки и вновь отпустил его, позволив со стуком упасть на стол.

– Я скажу вам следующее: Международная программа генетического картирования, поддержанная президентом России, дает мне возможность вновь восстановить нормальную работу моей лаборатории. Точно так же она предоставляет возможность наладить работу многим другим лабораториям и институтам, имеющим отношение к медицинской генетике. Это шанс для всей отечественной науки вновь занять если не главенствующее, то хотя бы просто достойное место в мире. Я не говорю уже о тысячах людей, работающих в той области знания, ради освоения которой они потратили лучшие годы своей жизни. Они смогут не просто работать, но и получать зарплату, соответствующую той пользе, которую они способны принести стране. Что к этому еще можно добавить? – Юлий Никандрович развел руками. – Я не знаю. Разве только то, что я ни секунды не сомневаюсь в том, что сама по себе программа генетического картирования жизненно необходима не только для нас, но и для всего человечества. – Коптев снова развел руками. На этот раз жест его выглядел совершенно беспомощно. – Как ни напыщенно это звучит, – скромно закончил он свою импровизированную речь.

Почему-то в тот же самый момент умолкли двое посетителей, сидевшие за вторым от входа столиком. Куда-то исчез повар, неизменно пребывавший возле жаровни. За столиком, расположенным возле служебного входа, замер официант, который спеша листал свой блокнот, время от времени делая в нем какие-то пометки. Тишина, повисшая после заключительных слов Юлия Никандровича, казалось, проистекала из самых глубин мироздания. Трое человек, сидевшие за одним с ним столиком, молча смотрели на профессора. А он сам, наклонив голову,

смотрел почему-то на свою тарелку с остатками картофеля и зелени, с красным, размазанным пятном кетчупа на краю. Алекс Петлин вытянул руку, чтобы раздавить в пепельнице докуренную до фильтра сигарету. Тихое шуршание прозвучало, словно таинственный голос, произнесший сакральные слова, снимающие заклятие немоты. Все сразу вдруг оживилось, задвигались. Зашуршал блокнот в руках официанта. Громко засмеялся один из посетителей за чужим столиком. Из подсобки появился повар и принялся шумно ворошить угли в жаровне. Анатолий Викторович взялся за стакан с пивом. Алекс заглянул в опустевшую пачку из-под сигарет, смял ее в кулаке и бросил в пепельницу. Геннадий Павлович срезал ножом оставшийся на кости кусочек мяса, наколол его на вилку и аккуратно подобрал остатки соуса. Юлий Никандрович протянул руку, взял белую пластмассовую фишку для маджонга с символом северного ветра и попытался повернуть ее между пальцами. Фишка выскользнула и со стуком упала на стол. Юлий Никандрович извиняюще улыбнулся.

– Сегодня мы играть не будем.

Геннадий Павлович почувствовал, что за столом произошло нечто такое, что, быть может, изменит в дальнейшем жизнь не только тех, кто сидел сейчас рядом с ним. Кто-то сказал очень важную фразу, но никто не обратил на нее внимания. Почему? Или нужные слова еще только будут сказаны?

– Порой мне кажется, что мы похожи на мусор, – негромко произнес Алекс, задумчиво глядя при этом в сторону повара, ворошившего угли в жаровне. Угли вспыхивали яркими рубиновыми огнями, горящими таинственным внутренним светом, и рассыпались сотнями мелких сверкающих искорок. – Да, именно на мусор, – повторил Алекс, хотя никто и не пытался ему возражать. Он хлопнул ладонью по карману ветровки, довольно улыбнулся и достал новую пачку сигарет. – Вы видели когда-нибудь, как летает обычный обрывок газетного листа, когда ветер загоняет его в тупик? Он кружится, взлетает вверх, планирует, потом снова взлетает вверх и вдруг на какой-то миг замирает в воздухе в полнейшей неподвижности. Затем он сворачивается на манер растрепанного жгута и начинает кружиться вокруг собственной оси, то соскальзывая вниз, то снова подпрыгивая вверх. Когда смотришь на этот причудливый танец газетного обрывка, создается впечатление, что он наделен собственной волей и в замысловатых узорах, что выписывает он во время полета, скрыт некий таинственный смысл, постичь который дано не каждому. – Алекс разорвал тонкую пластиковую упаковку на пачке сигарет и открыл ее. – Но вдруг ветряной вихрь, поднявший кусочек бумаги вверх, затихает, и газетный обрывок замертво падает на грязный асфальт, превращаясь в то, что он и есть на самом деле – мусор.

Алекс выдернул из пачки сигарету, торопливо раскурил ее и глубоко, нервно не вдохнул, а заглотил табачный дым.

История была красивой, но о чем она, Геннадий Павлович не понял. Он пододвинул к себе пиалу с лобио, чтобы наконец попробовать. Яство оказалось отменным.

Глава 3

Три дня размышлял Геннадий Павлович над словами, что произнес под занавес встречи Петлин, да так ничего и не понял. Что хотел сказать Алекс, сравнивая людей с танцующим на ветру обрывком бумаги? И кого он имел в виду – все человечество вкупе или же лишь тех его представителей, что сидели с ним за столом? А может быть, он говорил только о себе одном? Одно слово – поэт. Что ни слово, то образное выражение или того больше – зашифрованное послание неизвестному адресату, мыслящему в одном с ним волновом режиме. Может быть, и не стоило воспринимать его слова всерьез? Просто запечатлел взгляд поэта эффектную картинку – и все тут, – не кроется за ней ничего, никакого тайного смысла. Но почему-то не давали Геннадию Павловичу покоя слова о летящем по ветру мусоре. Да к тому же жалко было, что в тот день они так и не разыграли ни одной партии в маджонг. И дело было даже не в возможности выиграть какую-то мелочь, хотя в игре Геннадию Павловичу обычно везло. Игра захватывала его, поглощала, растворяла в себе. В тот момент, когда он делал ход, ему казалось, что от принятого им решения зависит судьба мироздания. Ну, или как минимум результаты очередных переговоров с Европейским союзом относительно квот на поставки сырья. И тогда Геннадию Павловичу казалось, что он способен воспарить над миром, окинуть все происходящее в нем единым взглядом и сделать что-нибудь такое, от чего приятно засвербит на душе. А если сказать проще, то игра заменяла Геннадию Павловичу реальную жизнь, которая с некоторых пор оказалась сосредоточенной в четырех стенах крошечной комнатухи в огромной коммунальной квартире, сидя в которой он мог только думать, мечтать и ждать очередной игры.

Мыслей у Геннадия Павловича в голове было много, но бродили они там, точно пьяные гномы, заблудившиеся в подземелье. Что самое обидное – не с кем было поговорить. В пятницу Артем с утра пораньше убежал на работу, а вернулся уже в одиннадцатом часу вечера, поел и сразу лег спать. В субботу он проспал почти до полудня. Поднялся недовольный и мрачный, явно не склонный обсуждать с отцом вопросы, до которых ему, скорее всего, не было никакого дела. Даже не позавтракав, накинул ветровку и ушел, бросив на ходу, что ему нужно встретиться с друзьями. Возвращения его в тот день Геннадий Павлович так и не дождался. Только сквозь сон услышал, как тихо щелкнул дверной замок, и затаенно вздохнул. То же самое повторилось и в воскресенье. И продолжалось это уже не первую неделю. Геннадий Павлович не знал, что за друзья были у Артема и где пропадал он все выходные. Домой Артем друзей не приводил, сам о них ничего не рассказывал, а когда Геннадий Павлович осторожно интересовался насчет того, чем занимаются его друзья и где они вместе проводят свободное время, сын в ответ только бурчал что-то невразумительное. Нехорошие подозрения мучили Геннадия Павловича. Но что он мог сказать сыну? Какие претензии мог предъявить? Хотя Артем никогда не давал ему повода, Геннадий Павлович подозревал, что сын относится к нему как к старому, ненужному хламу, от которого давно пора избавиться. Порой Геннадию Павловичу становилось любопытно, почему Артем все еще терпит его присутствие? Зачем ему нужен отец, с которым он даже разговаривать не желал? Родственная привязанность? Вряд ли. Артем стал самостоятельным с тех пор, как вернулся из армии. А прежде он был попросту предоставлен самому себе. Родители были настолько заняты собственными проблемами, что редко вспоминали о сыне. Признательность за то, что отец дал ему образование? Сомнительно. Что ему сейчас с этого образования? Геннадию Павловичу даже приходила в голову мысль о том, что Артем не просто презирает, а ненавидит его всей душой. За то, что, когда он был ребенком, отец почти не уделял ему внимания; за то, что позже, когда он учился в престижном колледже, отец не упускал случая напомнить, кому он должен быть за это благодарен; за то, что он позволил матери уйти, бросив не только мужа, но и сына... Да мало ли еще за что! Если начать вспоминать, то можно такого понавытаскивать! Существует ли на свете хотя бы одна

по-настоящему счастливая семья или же у всех только скелеты в шкафах? Может быть, Артем потому продолжал жить с отцом, что хотел навсегда сохранить ту, еще полудетскую злость, что отчасти сделала из него того, кто он есть? Может быть, утрата ее для него равносильна потере самого себя или того жизненного стержня, что не дает согнуться?

А с кем еще мог поговорить серьезно Геннадий Павлович? В будни, к тому времени, когда Артем уходил на работу и Калихин-старший вылезал из кровати, чтобы совершить обычный утренний моцион, в квартире уже почти никого не оставалось, если не считать нескольких выживших из ума стариков. Ну, не обсуждать же было, в самом деле, программу генетического картирования с пенсионером Потемкиным, который готов был спорить на любую тему, но при этом неизменно придерживался мнения прямо противоположного тому, что высказывал его собеседник. Он являлся сторонником простой до примитива, но при этом удивительно эффективной тактики спора: на всякое «да» Потемкин говорил «нет», а на «нет» – «да». А если оппонент говорил: «Тут нужно подумать» или «На этот счет у меня нет определенного мнения», Потемкин тут же вставал на дыбы и с криками «Вот она где, реакция, скрыта!» убегал к себе в комнату, где тут же включал на всю громкость радио. Или другой сосед, почти никогда не покидавший квартиру, – Сивкин. Так он вообще через две минуты забывал, с чего начался разговор, и при этом начинал страшно злиться или же, наоборот, впадал в глубокое уныние. Жил еще в квартире старик Семецкий, пока не впавший в глубокий маразм. Этот неизменно сводил любой разговор к воспоминаниям о прожитой жизни. Нередко Семецкий увлекался и начинал пересказывать сюжеты фильмов, которые видел в молодости, – при этом сам он искренне верил в то, что рассказывает историю своей жизни. Семецкого Геннадий Павлович порою просто жалел, но общаться с ним все равно было невыносимо муторно.

Правда, была еще Марина, – но это особый разговор. Встречаясь с девушкой в коридоре или на кухне, Геннадий Павлович всякий раз испытывал мучительную неловкость, как будто опасался, что она может прочесть его мысли. Нет, помыслы Геннадия Павловича были чисты, как снега Гималаев! Но он был вдвое старше Марины. И, что, пожалуй, самое главное, он уже почти смирился с мыслью о том, что многим его мечтам так и суждено остаться мечтами. Весь жизненный опыт, что успел приобрести Геннадий Павлович, вполне определенно свидетельствовал о том, что даже умеренный оптимизм легко оборачивается глубоким разочарованием. А прыжки на краю пропасти отчаяния представлялись Геннадию Павловичу далеко не самым увлекательным способом времяпрепровождения.

В понедельник утром, пока Артем собирался на работу, Геннадий Павлович, как обычно, лежал отвернувшись к стене и старательно делал вид, что все еще спит. Но, когда сын уже взял со стула сумку и готов был выйти за дверь, Геннадий Павлович неожиданно обратился к нему с вопросом:

– Что говорят твои приятели о программе генетического картирования?

Артем удивленно посмотрел на отца.

– А что, собственно, тебя интересует?

Геннадий Павлович приподнялся на локте.

– В четверг я встречался с друзьями... Ты ведь помнишь Юлия Никандровича Коптева? – Артем молча кивнул. – Его лабораторию подключили к выполнению программы генетического картирования. И даже пообещали закупить новое оборудование...

Геннадий Павлович внезапно умолк, чувствуя, что не может четко сформулировать те сомнения, что возникали у него, когда он в очередной раз мысленно прокручивал в голове разговор с друзьями. Алекс даже не пытался скрыть агрессивного неприятия новой национальной программы, но мотивы его оставались для Геннадия Павловича туманными, а доводы Петлина казались всего лишь игрой слов, иногда – удачной, иногда – не совсем. В замечаниях, что отпускал Анатолий, чувствовалась затаенная нервозность, причину которой Геннадий Павлович также не мог понять. И даже радость Юлика, которому наконец-то представилась счаст-

ливая возможность восстановить работу лаборатории, казалась не до конца искренней, – как будто его все же мучили сомнения, но он не хотел, чтобы кто-то о них догадался. Быть может, он даже рассчитывал на то, что друзья помогут ему избавиться от недобрых предчувствий, но, увы, этого не произошло. Чем больше думал об этом разговоре Геннадий Павлович, тем явственнее становилось ощущение, будто что-то было в тот вечер не так, – не так, как обычно. Но что именно?..

– Так что там у тебя? – нетерпеливо спросил Артем.

Подумав еще пару секунд, Геннадий Павлович махнул рукой.

– Ничего... Это я так... Просто подумал...

– О чем? – Артем большим пальцем поправил на плече ремень сумки.

– Да нет, ни о чем, – Геннадий Павлович постарался придать лицу беззаботное выражение и даже изобразил нечто похожее на улыбку.

Артем безразлично дернул плечом, – мол, как знаешь, – но, взявшись за дверную ручку, все же еще раз посмотрел на отца. Геннадий Павлович сделал вид, что не заметил его взгляда, и Артем вышел из комнаты. Сухо щелкнул дверной замок, и Геннадий Павлович расслабленно откинулся на подушку. У него было такое чувство, словно ему чудом удалось избежать опасности; пока еще непонятная и неопределенная, она не становилась от этого менее жуткой. Что-то зловещее висело в душном, застоявшемся воздухе. Форточка была открыта – следовательно, странное ощущение могло проникнуть в комнату извне. Что происходило вокруг? Что происходило с этим городом, название которого никогда не определяло сути, в душе которого было намешано столько всего самого разного, порой совершенно несочетаемого, в диких, несусветных пропорциях, что, когда задумываешься об этом, становится странно, почему он до сих пор стоит? И это с самого утра! Представить страшно, что за процессы будут протекать в атмосфере ближе к вечеру.

Геннадий Павлович чувствовал себя так, будто всю ночь пролежал, не сомкнув глаз. Голова – словно ватой набита. Именно ощущение этой ватной бесформенности и мягкости не давало возможности собраться с мыслями и начать наконец что-то делать. Казалось, достаточно сделать самое незначительное, лишнее какого-либо смысла движение – просто чуть приподнять кисть левой руки или повернуть голову, – и это приведет к тому, что тело медленно сдвинется с места и поплывет, подобно зыбкому облаку, влекомому едва ощутимыми токами воздуха. От одной только мысли об этом к горлу подкатывал вязкий комок кисловатой тошноты.

Геннадий Павлович попытался избавиться от наваждения, подумав о чем-то хорошем. Самым приятным воспоминанием за последнее время была встреча в «Поджарке», мысль о которой хотя и грела душу, но не вселяла покоя и уверенности. И виной всему – Геннадий Павлович упорно не желал себе в этом признаваться, но так оно и было – разговор о программе генетического картирования. Или – генетической чистки. Юлику не понравился этот термин, но, кажется, даже он разок употребил его. Станный какой-то разговор получился – рваный, неопределенный. Когда Геннадий Павлович пытался припомнить его во всех подробностях, ему начинало казаться, что каждый говорил меньше, чем знал. Или меньше того, что хотел сказать, – это касалось в первую очередь самого Геннадия Павловича. К тому моменту, когда Геннадий Павлович вошел в кафе, странная атмосфера уже окутывала столик, подобно кокону, не видимому для глаз, но ощутимому всеми фибрами души. И дело было даже не в словах, что были или не были произнесены. Тон встрече задавала некая неопределенная напряженность, – не в общении, а в желании понять друг друга. Все равно как если бы разговор происходил у кровати безнадежно больного. Близкие друзья и родственники, пришедшие навестить его, быть может, в последний раз, стараются вести себя раскованно и непринужденно, – говорят о пустяках, натянуто улыбаются, строят планы о том, куда они все вместе махнут, когда больной встанет на ноги. И при этом все, включая самого больного, знают, что он обречен. Так зачем

же они делают вид, что все в порядке? Кому от этого легче? А никому! Просто людям всегда, в любой ситуации удобнее оставаться в рамках обычного поведения. Тем самым они бессознательно пытаются убедить себя в безусловной стабильности своего существования. Что может со мной случиться, если день прошел так же, как вчера? Я шел обычным путем, встречался с хорошо знакомыми мне людьми, говорил с ними на привычные темы. Кажется, я даже не сделал сегодня ни одного лишнего движения. Все было так же, как вчера, а завтра все будет в точности, как сегодня. И так – изо дня в день, из года в год. Сохранять стабильность собственного положения в пространстве – вот главная заповедь для того, кто хочет жить вечно!

Чувствуя, что лицо начинает покрываться испариной, Геннадий Павлович приподнял руку, чтобы провести ладонью по лбу. И в тот же миг его вновь захлестнуло тошнотворное ощущение не то полета, не то бесконечного падения в бездну. Продолжив уже начатое движение руки, лишь слегка изменив направление, Геннадий Павлович скинул с себя одеяло, да так и остался лежать на спине, вытянув руки вдоль туловища и глядя в потолок. Большое серое пятно в левом дальнем углу осталось после того, как прорвало трубу отопления у соседей сверху. Поперек потолка проходит трещина шириною в два пальца. Пенсионер Сивкин, в комнату которого тянется потолочная трещина, твердил, что все дело в том, что дом строили на скорую руку, да к тому же не настоящие рабочие, а стройбатовцы. Спустя год после сдачи дом начал оседать, вот по нему и прошли трещины. Еще год-другой – и дом вовсе завалится, похоронив жильцов под руинами. Ну так то ж Сивкин, – если его послушать, можно решить, что конец света уже наступил, только никто этого не заметил. Впрочем, Геннадию Павловичу и самому трещина не нравилась. Он раз пять пытался замазать ее, но штукатурка неизменно осыпалась с этого заколдованного места.

Как ни странно, тупое, бессмысленное созерцание потолка позволило Геннадию Павловичу обрести душевные силы для того, чтобы вновь окунуться в реальность. Медленно, боясь снова почувствовать тошноту, причиной которой были не проблемы с пищеварением, а странные процессы, протекавшие в голове, Геннадий Павлович сначала чуть приподнялся, затем оперся на руки и наконец сел на кровати. Проведя ладонями по бедрам от пояса до коленей и обратно, Геннадий Павлович понял, что обрел прежнюю уверенность в себе и своем теле. На здоровье он не жаловался, – спасибо сеансам энзимотерапии, которые он в свое время удосужился пройти. Хотя, помнится, многие тогда отговаривали – дело, мол, новое, непроверенное, неизвестно, чем все это обернется лет через десять. И кто же оказался прав? Геннадий Павлович не без самодовольства похлопал себя ладонью по груди. Вот он, пятьдесят два годика от роду, а выглядит не старше тридцатилетнего. Если и есть у него проблемы, так только с зубами, – старые пломбы понемногу выпадают, а на то, чтобы новые поставить, денег нет.

Сунув ноги в тапки, Геннадий Павлович бодро поднялся с кровати. Накинув на плечи старый халат с продраным на локте левым рукавом, Геннадий Павлович глянул на себя в зеркало, висевшее слева от двери, и, оставшись вполне доволен своим отражением, двумя быстрыми движениями ладоней пригладил растрепавшиеся за ночь волосы. Заглянув в холодильник, Геннадий Павлович обнаружил там помимо традиционных яиц и йогурта еще кусок полукопченой колбасы и пару ломтиков сыра, завернутых в целлофан. Сверху на холодильнике лежал пакет с супом-концентратом, – «Томатно-луковый суп с вермишелью», прочитал Геннадий Павлович на упаковке, – и три пакетика овсяной каши быстрого приготовления. Узрев такое изобилие, Геннадий Павлович невольно ухмыльнулся, – не часто он мог выбирать, что приготовить на завтрак. Впрочем, поздний завтрак – время уже приближалось к одиннадцати – можно было объединить с обедом. Геннадий Павлович задумчиво потер пальцами подбородок, колючий от утренней щетины. Здраво поразмыслив, он пришел к выводу, что пока еще не слишком голоден. К тому же возиться с супом Геннадию Павловичу не хотелось – близился час, когда на кухню со своими кастрюльками и судками выползали пенсионеры, дабы разогреть обед, а

заодно в очередной раз перемыть косточки всем своим добрым соседям, – и он решил обойтись овсяной кашей с яблочным ароматизатором и бутербродом с колбасой.

Геннадий Павлович перебрал через плечо полотенце, взял в руку целлофановый пакет с туалетными принадлежностями – зубная щетка, полувыдавленный тюбик зубной пасты, одноразовый бритвенный станок и красная пластиковая мыльница, в которой прятался плоский обмылок с ароматом лаванды, – указательным пальцем подцепил за кольцо лежавшие на столе ключи и подошел двери. Едва он протянул руку к дверному замку, как в дверь снаружи постучали. Геннадий Павлович вздрогнул от неожиданности и затаился. Хотя, казалось бы, чего бояться? Он на законных основаниях занимал комнату. Документы – паспорт с пропиской и карточка безработного – в полном порядке. Ну, подумаешь, постучали в дверь – что с того? Скорее всего, это кто-то из соседей-пенсионеров пришел попросить соли.

В дверь снова постучали.

На этот раз Геннадий Павлович понял, что именно его напугало. Стук был короткий, отрывистый, нервный – так-так-так, – три быстрых удара, один за другим, почти без пауз. Старики так не стучат. Судя по звуку, тот, кто стоял за дверью, очень спешил. Он и во второй-то раз постучал только потому, что хотел быть уверен в том, что хозяев нет дома. Но это был не секретарь жилкомитета, – тот тоже стучит торопливо, но куда более уверенно. К тому же официальные представители власти никогда не стучат дважды. Не получив ответа, они уходят, оставив приколотой к двери повестку. Тогда кто бы это мог быть? Быть может, кто-то из друзей Артема? Но прежде они никогда не заходили к нему домой, разве что только изредка звонили по общему телефону, стоявшему на тумбочке возле входной двери.

Геннадий Павлович почувствовал, что у него затекла левая нога. Он стоял, боясь пошевелиться, ожидая, когда из-за двери послышатся удаляющиеся шаги. Но за дверью было тихо, как будто тот, кто постучал в нее, тоже стоял, затаив дыхание и напряженно вслушиваясь в тишину.

Черт возьми, что ему нужно? – с раздражением подумал Геннадий Павлович. Он вдруг понял, что ему страшно – по-настоящему, до дрожи в коленях, – но при этом он не знал, чего боится. Беспричинный страх пугал сильнее, чем самая ужасная из возможных причин. А раздражение всего лишь маскировало его. После этого оставалось лишь признать, что Калихин самого себя пытался обмануть.

«Если сейчас снова постучат в дверь...» – подумал Геннадий Павлович.

Он не успел решить, что именно он сделает в этом случае, а в дверь уже снова стучали. Быстрым, срывающимся движением Геннадий Павлович отдернул крючок замка и рванул на себя дверь.

– Геннадий Павлович, – стоявшая за дверью Марина смотрела на него с упреком.

И было за что, – в столь затрапезном виде гостей, и уж тем более дам, не принимают. Геннадий Павлович испуганно запахнул халат на груди. Вспомнив о дырке на локте, он тут же опустил руку вниз, при этом халат снова распахнулся. Пытаясь вернуть все на свои места, Геннадий Павлович выронил пакет с туалетными принадлежностями. Решив, что лучше его не поднимать, он ударом ноги загнал пакет под кровать.

– Я сейчас, – суетливо произнес он, пытаясь прикрыть дверь, – не переодеваться же на глазах у девушки. – Одну секундочку...

– Геннадий Павлович!

Марина выставила руку, не позволяя ему закрыть дверь. А в следующую секунду она скользнула у него под рукой и оказалась в комнате.

Геннадий Павлович растерянно двинул бровями, – что бы это могло означать? Да, при встречах он всегда улыбался Марине, и она неизменно отвечала ему тем же. Да, ему хотелось думать, что это была не просто вежливая улыбка. Но никогда прежде Марина не пыталась заглянуть к нему в комнату.

– Простите, Марина, я в таком виде...

Геннадий Павлович попытался улыбнуться, но улыбка получилась не виноватой, а исключительно глупой.

– Да при чем здесь ваш вид! – Марина всплеснула руками, и на лице ее появилось выражение отчаяния. – Почему вы все еще дома?

– Простите? – Геннадий Павлович чуть приподнял левую бровь и склонил голову к плечу. Он определенно не понимал обращенного к нему вопроса.

– Инспекция явится с минуту на минуту!

Подавшись вперед, Марина взмахнула раскрытыми ладонями, едва не задев кончиками пальцев носа Геннадия Павловича.

– Какая инспекция? – Калихин растерянно улыбнулся и пожал плечами, давая понять, что он по-прежнему ничего не понимает.

– Вы читали объявление у двери? – Марина махнула рукой в направлении прихожей.

– Нет, – качнул головой Геннадий Павлович. На губах его появилась виноватая улыбка. – Поверите ли, я три дня не выходил из дома...

Марина перебила его, не дослушав:

– Сегодня в одиннадцать к нам явится инспекция! Как вы себе это представляете?

– Никак, – честно признался Геннадий Павлович.

– Идемте, – Марина решительно схватила его за руку и потащила к двери.

– Куда? – машинально спросил Геннадий Павлович.

В следующую секунду он уже думал о том, что если Марина приглашает его куда-то, то не имеет значения, куда именно. Любые вопросы в подобной ситуации не то что неуместны, а попросту глупы.

– Простите, Марина, но мне нужна буквально пара минут, чтобы привести себя в порядок, – Геннадий Павлович с многозначительным видом провел рукой с открытой ладонью сверху вниз, ото лба до коленей, давая понять, что для свидания с девушкой у него имеется куда более презентабельный костюм.

– У нас нет времени! – почти с отчаянием воскликнула Марина. Восклицание было эмоциональным, но приглушенным, как будто она боялась оказаться услышанной кем-то посторонним. – Идемте, – Марина вновь, еще более решительно потянула Геннадия Павловича в сторону двери. – Я знаю, где мы можем укрыться.

Это звучало уже интригующе. В голове Геннадия Павловича начали зарождаться мысли, обычно ему не свойственные. Нет, дело было вовсе не в том, что противоположный пол уже нисколько не волновал Геннадия Павловича, – он, как и всякий нормальный мужчина, нередко провожал взглядом дамочку с фигурой, формой напоминающей песочные часы, а случалось, что и представлял себя в компании сразу нескольких кинокрасоток, чьи вызывающие портреты украшали яркие обложки глянцевого журналов, выставленных в витринах газетных ларьков. Однако при непосредственном общении с женщинами Геннадий Павлович неизменно был скромнен, корректен и добропорядочен.

– Да идемте же! – настойчиво тянула его за руку Марина.

И Геннадий Павлович не смог устоять. Почти не отдавая себе отчета в том, что он делает и на что рассчитывает, Геннадий Павлович сделал шаг в сторону приоткрытой двери.

Марина выглянула в коридор, бросила быстрый взгляд сначала в ту сторону, где находились умывальня и кухня, затем в сторону прихожей и полусшепотом произнесла:

– Идемте.

Интересно, в который уже раз она произносит это слово? – подумал Геннадий Павлович, выходя следом за Мариной в коридор. Мысль оказалась на удивление приятной, – никогда прежде девушки не уговаривали Геннадия Павловича столь настойчиво пойти куда-либо вместе с ними.

Щелкнувший за спиной замок заставил Геннадия Павловича слегка вздрогнуть. Первая его мысль была о ключах. Кольцо с двумя ключами – от входной двери и от двери в комнату – было надето на указательный палец. Удостоверившись в том, что он сможет вернуться в свою комнату в любой момент, как только пожелает, Геннадий Павлович с облегчением перевел дух. Но всего лишь миг спустя он пришел в ужас, вспомнив о своем костюме. Помимо трусов на нем был только халат с рваным рукавом и пластиковые шлепанцы на босу ногу. Вдобавок еще и полотенце так и осталось висеть на плече, явно не способствуя созданию достойного имиджа. Геннадий Павлович сделал было попытку дернуться в сторону двери, но Марина продолжала тащить его за собой по коридору, подобно маленькому катерку, что в акватории порта заводит к причалу огромный океанский лайнер. Ситуация была настолько абсурдной, что Геннадий Павлович даже и не думал сопротивляться. По счастью, коридор был пуст. А что бы было, если, не приведи господь, кто-то из обитателей комнат, расположенных по обе его стороны, вдруг выглянул за дверь? Даже подумать страшно, что бы могло прийти в склеротическую голову маразматизирующего старика, когда бы он увидел Марину, тащащую следом за собой по коридору полуодетого Калихина! Геннадий Павлович до сих пор не мог взять в толк, куда и зачем вела его Марина, но решил, что лучше уж поскорее добраться до места, а уж там, укрывшись от посторонних глаз, можно будет наконец выяснить, что происходит. В довершение всего Геннадий Павлович был отнюдь не прочь уединиться где-нибудь с Мариной. Что смущало его, так это костюм, глупее которого невозможно было придумать, и то, что он даже не успел умыться.

Марина остановилась перед дверью, оклеенной полимерной пленкой, что должна была придавать ей сходство со свежеструганной доской. Выглядело это совершенно нелепо. Возле дверной ручки и прорези замка рисунок вытерся, осталась лишь бледно-розовая пластиковая подложка – все равно что нежная кожица на месте недавно затянувшейся ссадины. Не выпуская из руки локоть Геннадия Павловича, Марина вставила ключ в прорезь замка, быстро повернула его и чуть приоткрыла дверь – ровно настолько, чтобы в нее можно было проскользнуть боком.

– Скорее!

Марина глянула в конец коридора и вновь нетерпеливо дернула Геннадия Павловича за локоть.

– А бабушка? – немного растерянно спросил Геннадий Павлович.

– Бабушка старая, ей все равно.

Ситуация все отчетливее приобретала черты некой абсурдной пьесы без начала и конца, смысл которой заключался не в действии, а именно в отсутствии каких-либо действий со стороны участников спектакля, когда каждая произнесенная фраза несла в себе не одну и не две, а три-четыре смысловые трактовки, разобраться в которых мог разве что только искушенный критик, умеющий найти в обрывочных репликах персонажей нечто такое, что не приходило в голову самому ее создателю. Геннадий Павлович себя к знатокам современного театра не относил. Мысль, мелькнувшую у него в голове в ответ на последнюю реплику Марины, можно было бы озвучить примерно так: нужно уходить. Но уходить ему не хотелось. А переступить порог комнаты, у двери которой они стояли, было почему-то боязно.

– Геннадий Павлович! – с отчаянием во взгляде посмотрела на Калихина Марина.

Геннадий Павлович ничего не успел ответить. В пустом, словно вымершем коридоре отчетливо прозвучал сухой щелчок замка входной двери, – как будто ореховую скорлупу кто-то над самым ухом раздавил. Лицо Марины сделалось бледным, словно присыпанное мукой, и даже как будто несколько вытянулось.

Геннадий Павлович и сам не понял, что произошло потом, – не то Марина толкнула его так, что он влетел в комнату, не то он сам, испугавшись явления новых действующих лиц странного спектакля, участником которого он стал помимо собственной воли, юркнул за дверь.

Комната была почти точной копией той, в которой он жил. Желтые, в мелкий белый цветочек обои, две узкие кровати у противоположных стен, торшер с желтым колпаком возле

той, что была застелена, встроенный платяной шкаф, полукруглый стол у окна, пара стульев и низенький комод темного дерева с двумя створками и шестью ящичками – должно быть, из бабкиного наследства. Даже трещина пересекала потолок в том же самом месте. Вот только пятна от протечки не было.

Марина юркнула в комнату следом за гостем. Оттянув язычок замка, она бесшумно прикрыла дверь и, обернувшись на Геннадия Павловича, приложила палец к губам. В ответ Геннадий Павлович попытался улыбнуться, чтобы показать, что он лично находит ситуацию забавной, но внезапно слева от него раздался глубокий, раскатистый утробный звук, не имевший аналогов среди тех, что когда-либо доводилось слышать Калихину. Звук доносился с узкой панцирной кровати, на которой, накрытое толстым ватным одеялом, лежало кажущееся безмерно огромным бочкообразное тело. Все в квартире знали, что Марина живет вместе с бабушкой, которая никогда не покидает своей комнаты. Не то чтобы Геннадию Павловичу было очень интересно взглянуть на старуху, но все же, подчиняясь какому-то подсознательному извращенному влечению, заставляющему детей тыкать палкой в полуразложившуюся плоть дохлой кошки, он сделал шаг в сторону кровати. Голова бабушки утопала в огромной пуховой подушке. У нее почти не было волос, а те, что оставались, прилипли к коже черепа, подобно клочьям пакли. Нос был похож на огромную гнилую картофелину. На широком подбородке торчало несколько длинных седых волос. Верхняя губа проваливалась в полость рта, а нижняя едва ли не на сантиметр отвисала вниз. Когда бабушка делала вдох, нижняя губа начинала вибрировать, а из полуоткрытого рта доносился звук, который и заставил Геннадия Павловича обратить внимание на старуху. Маринина бабушка была невообразимо старой, но почему-то при этом она вовсе не производила впечатления тяжело больного человека, которому даже с кровати подняться нелегко.

Геннадий Павлович не почувствовал, а скорее угадал прикосновение, когда Марина тронула его плечо кончиком пальца. Посмотрев на девушку, Калихин не успел еще ничего сказать, а она уже вновь прижимала палец к губам, призывая к молчанию. И во взгляде ее была такая мольба, что Геннадий Павлович только молча плечами пожал. А что еще оставалось делать человеку, оказавшемуся в невообразимо глупой, хотя в некоторых отношениях кажущейся приятной ситуации?

Убедившись в том, что гость готов следовать ее указаниям, Марина несколько успокоилась. Но все равно она была страшно напряжена, а выражение лица ее иначе как испуганным назвать было нельзя. Глядя на нее, Геннадий Павлович чувствовал, как ему передается нервное состояние девушки. Он по-прежнему не понимал, чего боится Марина, но теперь он был почти уверен в том, что страхи ее вовсе не беспочвенны. Прикусив верхнюю губу и чуть наклонив голову к плечу, Марина внимательно прислушивалась к тому, что происходило в коридоре, и Геннадий Павлович вслушивался вместе с ней в тишину, боясь пропустить звук, который дал бы ему знать... Что?

Вначале Геннадий Павлович услышал негромкие шаги. Судя по звукам, по коридору шли несколько человек, ступая неспешно, уверенно. Шаги остановились как будто прямо напротив двери, за которой прятались Марина с Геннадием Павловичем. Геннадий Павлович затаил дыхание. В этот невообразимо долгий миг он забыл о существовании Марины, – Калихину казалось, что, подобно черной туче, из которой вот-вот должен вырваться снап молний, над ним нависла угроза, страшная в своей необъяснимости и неясности. Геннадий Павлович вздрогнул, когда раздался негромкий стук в дверь. И только секунду спустя он с невероятным облегчением понял, что стучали в дверь напротив, за которой жил старик Семяцкий. Из коридора послышались приглушенные голоса. Говорили, судя по всему, двое, но так тихо, что даже отдельных слов разобрать было невозможно. Говорившие обменялись парой фраз, после чего вновь наступила тишина. Негромко звякнули ключи и щелкнул дверной замок. Дважды скрип-

нула дверная петля, – дверь открылась и снова закрылась. Тишина – мрачная, давящая на уши, точно вода на большой глубине.

Марина ухватила Геннадия Павловича за рукав халата – тот самый, что с прорехой на локте, – и, по-прежнему не говоря ни слова, потянула его за собой в сторону окна. Геннадий Павлович так же молча последовал за хозяйкой комнаты, в которой он прятался от странных, пугающих шагов в коридоре. Но, как оказалось, Марина направлялась вовсе не к окну. Сделав пару шагов, она остановилась возле встроенного в стену платяного шкафа и, отпустив рукав Геннадия Павловича, осторожно раскрыла дверные створки. Раздвинув в стороны висевшие на вешалках платья и зимние куртки, Марина сделала шаг вперед, в глубину шкафа и присела там на корточки. Геннадий Павлович наблюдал за тем, что она делала, даже не пытаясь что-либо понять. Он плыл по течению, которое несло его туда, где уже не нужно было задавать вопросы. Но не прошло и полминуты, как Марина вновь поднялась в полный рост и, откинув кистью руки упавшие на лицо волосы, посмотрела на Геннадия Павловича.

– Заходите.

Геннадий Павлович непонимающе вскинул брови. Он давно позабыл те благословенные времена, когда, будучи ребенком, прятался в платяном шкафу от всех бед и опасностей окружавшего его огромного мира. Кроме того, что Геннадий Павлович до сих пор не мог понять, почему он, собственно, должен от кого-то прятаться, встроенный шкаф казался недостаточно большим для того, чтобы в нем могли уместиться двое взрослых людей. Или же Марина хотела спрятать в шкафу его одного?

– Там лаз, – едва слышно произнесла Марина. – Поторопитесь, Геннадий Павлович, – едва ли не с отчаянием добавила она. – После Семеновского они могут к нам зайти.

– Кто? – так же тихо спросил Геннадий Павлович.

– Я все расскажу потом, – Марина смотрела на него умоляюще. – Пожалуйста...

Геннадий Павлович заговорщицки подмигнул Марине – девушке должно быть ясно: то, о чем она его просит, он делает только потому, что не хочет портить игру, – и, раздвинув обеими руками платья, шагнул в шкаф. Внизу, у самого основания стены, действительно чернел узкий прямоугольный проем. Геннадий Павлович присел на краю, снял тапочки и осторожно свесил ноги вниз. Ноги повисли в пустоте, не доставая носками пола. Оглянувшись, Геннадий Павлович посмотрел на Марину, которая, в ответ на его вопрошающий взгляд, быстро кивнула, давая понять, что он все правильно понял, – ему следует спуститься вниз. Со стороны это выглядело, должно быть, невероятно глупо, но спорить сейчас с Мариной было бы еще глупее. Уперевшись руками в края проема, Геннадий Павлович начал медленно опускаться. Когда доски пола оказались на уровне груди, он наконец почувствовал под ногами опору. Приободрившись, Геннадий Павлович глянул на Марину, в надежде, что она хотя бы улыбкой его одарит. С выражением лица, похожим на гипсовый слепок, Марина вошла в шкаф и осторожно прикрыла за собой створки. Геннадий Павлович оказался в полной темноте. Даже щелки между дверьми не было видно из-за развешенной в шкафу одежды. Темноты Калихин не боялся, но все это было как-то очень уж необычно и совершенно не похоже на то, что происходило с ним когда-либо прежде. Странно.

Геннадий Павлович почувствовал, как макушки его коснулась ладонь девушки и хотя и не сильно, но все же надавила, загоняя его в странное отверстие в полу, словно чертика в табакерку.

– Марина, Марина, – торопливо зашептал Геннадий Павлович. – У меня там тапки...

– Потом, – почти неслышно ответила девушка.

И Геннадий Павлович провалился в темноту. Хотя он и прежде находился в темноте, но та, в которой он оказался, опустив голову ниже уровня пола, показалась ему... Нет, не злоеющей, а, скорее, наполненной теми самыми мрачными ожиданиями, о которых сам он предпочитал никогда не вспоминать, старательно загоняя их в самый дальний, пыльный и грязный

угол подсознания, куда, казалось, никто и никогда не заглянет. Чтобы не упереться головой в потолок, Геннадий Павлович опустил на колени. Пугала не столько сама темнота и ограниченность пространства, – разведя руки в стороны, он мог одновременно коснуться противоположных стен, – а то, что он не понимал, где находится. И, что, пожалуй, самое главное, – почему он здесь оказался? Почувствовав движение рядом с собой, Геннадий Павлович подался в сторону. Запах – магнетический, непонятный и завораживающий, не поддающийся разложению на составные элементы, – рядом с ним, невидимая в темноте, находилась девушка. Наверху что-то негромко скрипнуло. Геннадий Павлович почувствовал, как груди его коснулась чужая рука. Словно ища что-то, рука скользнула из стороны в сторону, поднялась вверх и легла на плечо. Геннадий Павлович почувствовал легкое дыхание у себя на щеке.

– Здесь не так много места, – не произнесла, а легко выдохнула Марина.

Проведя рукой вокруг себя, Геннадий Павлович нащупал угол странного закутка. Подобрав ноги, он осторожно присел, прижавшись плечом к холодной стене. Но зато почти в то же самое мгновение другого плеча его коснулось удивительно теплое и мягкое плечо девушки. Марина пошевелилась, стараясь устроиться поудобнее, и при этом еще плотнее прижалась к Геннадию Павловичу. У Калихина дыхание перехватило, когда он почувствовал, как бедро девушки легло на его колено.

Теперь он уже почти не жалел о том, что позволил втянуть себя в эту непонятную авантюру. Бог с ним! Что бы там ни случилось, несколько минут близости с Мариной, о которых прежде он мог только мечтать, стоили всех тех неприятностей и треволнений, что ему довелось пережить. Геннадий Павлович прекрасно понимал, насколько глупо он должен выглядеть в роли престарелого героя-любownika, уверенного в том, что на него все еще могут заглядываться девушки, но ничего не мог с собой поделать! Пусть всего на несколько минут ему хотелось поверить в то, что чудо возможно.

В темноте Геннадий Павлович не видел лица Марины, но ему казалось, что он различает очертания ее головы с ореолом волос. Хотя, конечно, это была всего лишь иллюзия – вокруг была тьма, хоть глаз выколи. Геннадий Павлович пытался придумать историю с хорошим концом – и это при том, что он до сих пор не мог понять, что же происходит в коммунальной квартире, которая всегда была для него если и не крепостью, то уж, по крайней мере, шалашом, где можно укрыться от житейских бурь и невзгод, что способны превратить размеренную жизнь в сущий ад. Странностей было более чем достаточно. А с учетом тех глупостей, что совершил за сегодняшний день Геннадий Павлович, впору было составлять новейшее пособие для идиотов.

– Здесь нас не найдут, – почувствовал он на своей щеке легкое дыхание девушки.

– Кто?.. – начал было Калихин, но Марина заставила его умолкнуть, прижав губы кончиками пальцев.

– Говорите тихо, – почти неслышно произнесла она, едва не касаясь губами уха Геннадия Павловича.

Подавшись в направлении голоса, Калихин ткнулся носом в густые волосы, пахнущие, как свежестиранное белье, – духами Марина не пользовалась. Осторожно и как бы невзначай попытавшись отыскать губами щеку Марины, Геннадий Павлович вдруг с ужасом вспомнил о том, что не успел почистить зубы. Не нужно было иметь богатого воображения, чтобы представить, что за запахи обосновались у него во рту после долгой ночи. Геннадий Павлович невольно подался назад. И почти сразу же почувствовал ладонь Марины, легшую ему на колено.

– Я им не доверяю, – теплое дыхание Марины на этот раз коснулось его шеи.

– Кому? – спросил Геннадий Павлович, стараясь дышать в сторону.

– Что? – не расслышала Марина.

– Кому вы не доверяете? – чуть громче повторил Геннадий Павлович.

Тотчас же пальцы Марины сдавили его колено.

– Говорите тише.

– Хорошо, – едва слышно прошептал Геннадий Павлович.

– Сегодня в нашей квартире инспекция. Ответственные исполнители программы генетической чистки ставят на учет престарелых и инвалидов, которые сами не в состоянии добраться до кабинета генетического картирования.

– Мы от них прячемся? – удивленно спросил Геннадий Павлович.

Ответа не последовало, но по легкому колебанию воздуха Геннадий Павлович догадался, что в ответ на его вопрос Марина кивнула.

– Но почему?

– Вы что, не понимаете?

Прежде чем ответить, Геннадий Павлович ненадолго задумался. И все же он решил ответить честно:

– Нет.

– Это же система, – едва ли не с ужасом в голосе прошептала Марина.

Геннадию Павловичу показалось, что слово «система» она произнесла с большой буквы, точно известное всем и каждому имя.

Поскольку Геннадий Павлович в принципе не понимал, о чем шла речь, он решил не уточнять, что именно представляет собой упомянутая система. Он задал другой вопрос:

– Где мы находимся?

– Я случайно обнаружила этот лаз, – тихо ответила Марина. – Должно быть, это результат ошибки, допущенной строителями.

Геннадий Павлович хотел было спросить, чего ради они вдвоем забрались в эту дыру, но не успел произнести ни слова – Марина вновь сдавила его колено пальчиками. Как уже успел уяснить Геннадий Павлович, это следовало расценивать как приказ немедленно умолкнуть. Задержав дыхание, Геннадий Павлович прислушался. Единственным звуком, доносившимся снаружи, был раскатистый храп спавшей в комнате старухи.

– Все в порядке, – прошептал Геннадий Павлович, плотнее прижимая ногу к бедру девушки.

Марина в ответ лишь сильнее сжала его колено.

Геннадий Павлович почувствовал, как внутри у него закипает котел с адским варевом, от которого голова шла кругом, а на душе становилось легко и радостно, как в момент наивысшего просветления, когда становится ясно, что представляет собой Дао. И все бы хорошо, да только следом за этим Геннадий Павлович понял: то, что он не успел почистить зубы – это еще не самая страшная ошибка, которую он сегодня совершил. Куда ужаснее было то, что он забыл забежать в туалет. И к настоящему моменту потребность опорожнить мочевой пузырь начала понемногу преобладать над всеми прочими желаниями. Геннадий Павлович стоически стиснул зубы и приготовился ждать. Хотя, конечно, трудно было предположить, насколько хватит его решимости и, что самое главное, физических возможностей держать проблему в себе.

Пальцы девушки, сжимавшие колено Геннадия Павловича, расслабились. Теперь ладонь ее просто лежала на его полусогнутой ноге.

– Я слушаю вас, Геннадий Павлович, – шепотом произнесла Марина.

Но Геннадий Павлович уже позабыл, о чем собирался спросить. Теперь его не просто интересовал, а мучил один-единственный вопрос: – Как долго мы здесь просидим?

– Пока не уйдет инспекция, – прошептала в ответ Марина.

– А как мы узнаем, что она ушла?

– Можно будет подняться наверх после того, как инспекция заглянет в нашу комнату.

Геннадий Павлович скрипнул зубами и сдвинул ноги.

Марина по-своему интерпретировала его движение.

– Не бойтесь, – успокаивающе похлопала она Калихина по колену. – Здесь нас не найдут.

В ответ Геннадий Павлович тяжело вздохнул. Сейчас даже близость Марины не радовала его. Он понимал, что поступил как последний идиот, позволив затащить себя в дыру под встроенным платяным шкафом. Но теперь уже было невозможно что-либо изменить. Судя по всему, в ближайшее время Марина не собиралась вылезать на свет божий. А если в квартире и в самом деле работала инспекция программы генетического картирования, то что подумают люди, увидев Геннадия Павловича, тайком выбирающегося из комнаты, в которой не было никого, кроме древней старухи? Нет, совершенно определенно, Геннадий Павлович не мог подвергать себя такому риску! Даже под угрозой разрыва мочевого пузыря!

– Должно быть, сегодня заберут Семяцкого, – высказала неожиданное предположение Марина.

Прозвучало это так, будто она продолжала обсуждать с Геннадием Павловичем вопрос, понятный им обоим.

– Куда заберут? – процедил сквозь зубы Геннадий Павлович. И то лишь потому, что почувствовал – Марина ждет ответной реакции на свои слова.

– В дом призрения для физически неполноценных, – ответила Марина и тут же уточнила: – На подмосковную дачу.

– Почему именно его?

– Потому что он старый. – После недолгой паузы Марина добавила: – К тому же у него серьезные нарушения в геноме – букет врожденных синдромов в рецессивной форме.

– Откуда вам это известно?

Марина ничего не ответила.

Геннадий Павлович не стал повторять вопрос – сейчас ему было не до того. Вдобавок к проблеме переполненного мочевого пузыря он начал чувствовать боль в затекшей спине и неприятное покалывание в коленях и икрах ног, застывших в крайне неудобном положении, которое, того гляди, могло обернуться полным онемением конечностей.

– Ладно...

Пытаясь перераспределить центр тяжести тела, Геннадий Павлович попытался было чуть-чуть сместиться в сторону, но движение тотчас же отозвалось болезненным спазмом внизу живота. Геннадий Павлович поморщился и, в очередной раз порадовавшись тому, что Марина не могла видеть его лица, медленно, очень осторожно вернул тело в исходное положение.

– Ладно, – снова повторил он. – Допустим, Семяцкого сегодня заберут... В конце концов, может быть, в доме призрения ему будет лучше, чем в нашем клоповнике...

Тихий, но весьма выразительный смешок Марины Геннадий Павлович предпочел не заметить.

– А как же ваша бабушка? – спросил он. – Ее ведь тоже могут забрать.

– Нет, – коротко ответила Марина.

Геннадий Павлович полагал, что подобное безапелляционное заверение подразумевает некое обоснование, но Марина, по-видимому, считала, что ее ответ в комментариях не нуждается. Подождав какое-то время и не получив никаких разъяснений, Геннадий Павлович задал новый вопрос:

– Ну а мы-то почему прячемся?

Ответа не последовало.

– Марина, – шепотом позвал Геннадий Павлович так, словно опасался, что девушка, чью ладонь он как и прежде чувствовал на колене, могла вдруг таинственным образом исчезнуть, оставив после себя только легкое, похожее на воспоминание тактильное ощущение.

Пальцы Марины едва заметно шевельнулись. А может быть, вздрогнули. Геннадий Павлович осторожно прикрыл ее ладонь своей. Вначале он почувствовал тепло, заполняющее грудь, словно гелий воздушный шарик, готовый вырваться из рук и взлететь. А спустя

несколько секунд, напоенных ни с чем не сравнимой восторженной радостью, – такой мощный позыв к мочеиспусканию, что по-настоящему испугался за целостность некоторых своих внутренних органов. Но Марина, похоже, неверно истолковала то, как внезапно напрягся всем телом ее сосед.

– Вы ведь сами все отлично понимаете, Геннадий Павлович, – едва слышно проговорила она с такой болью в голосе, как будто слова эти стоили ей едва ли не десяти лет жизни.

«Да ничего я не понимаю!» – хотел было закричать во весь голос Геннадий Павлович. Но все же ценой невероятных усилий ему удалось совладать с эмоциями.

– Все, – шелестящим шепотом проговорил Геннадий Павлович. – Я выбираюсь отсюда.

– Нет.

– Да!

Геннадий Павлович оперся ладонью о стену, пытаясь найти опору для того, чтобы подняться и встать на колени, – иначе из конуры, в которой он сидел, согнувшись в три погибели, было не выбраться. Не произнося ни слова, Марина уперлась ладонями ему в плечи и, навалившись сверху, придавила собственным телом. Возможно, что в иной ситуации, оказавшись в подобном положении, Геннадий Павлович просто сомлел бы от восторга, но сейчас он едва не заорал от боли, когда тысяча раскаленных иголок впились ему в низ живота.

– Марина... – простонал он сквозь зубы.

Мольбы были напрасны – Марина не собиралась выпускать его из своих объятий.

– Поверьте мне, Геннадий Павлович, – горячо зашептала она ему в ухо. – Нам нужно переждать... Обязательно...

– Ч-черт, – ответил на это Геннадий Павлович, пытаясь хотя бы перевернуться на бок.

– Вы же сами все понимаете... Зачем напрасно рисковать... Все ведь можно иначе устроить...

– Да ничего я...

Геннадий Павлович не успел закончить начатую фразу – Марина ладонью плотно зажала ему рот.

– Тихо.

На этот раз голос у нее был такой, что Геннадий Павлович невольно подчинился и замер в скрюченном положении. Хотя и понимал, что, пролежи он так пару минут, и без посторонней помощи ему будет уже не разогнуться. Прислушавшись, Геннадий Павлович услышал, как в комнате щелкнул дверной замок. Тихо скрипнул паркет под ногами вошедшего в комнату человека. Хотя, вполне вероятно, что людей было двое, а то и трое. По-слоновь всхрапнула спавшая на кровати старуха, после чего в комнате вновь воцарилась тишина.

Очень осторожно, чтобы быть уверенной, в том, что Калихин не собирается поднимать крик, Марина отняла ладонь от его губ. Геннадий Павлович никак на это не отреагировал. Он даже на время забыл о затекших коленях и доводившем до безумия желании помочиться. Он напряженно прислушивался, пытаясь понять, что происходит в комнате.

Какое-то время – минуту или чуть больше – из комнаты доносилось только периодическое всхрапывание старухи. Вновь почувствовав боль внизу живота, Геннадий Павлович начал уже было подумывать о том, что звуки открывающегося замка и скрип паркета ему просто почудились, – случается, что воображение выкидывает и не такие номера. Но в тот момент, когда Геннадий Павлович был уже почти готов отстранить от себя Марину и попытаться отыскать выход из ее потайного убежища, в комнате ясно прозвучал голос. Какие именно слова он произнес, разобрать Геннадию Павловичу не удалось, но, вне всяких сомнений, голос принадлежал мужчине. Храп спящей старухи оборвался, не достигнув крещендо. Послышался надсадный кашель. Затем – снова голоса. Говорили мужчина и старуха. Старательно прислушиваясь, Геннадий Павлович различал лишь отдельные слова: «две таблетки», «чувствуете», «обычно», «опоздала», «не совсем»... И вдруг отчетливо и громко прозвучали слова: «Всего хорошего».

Скрип паркетных досок и стук захлопнувшейся двери. Теперь из комнаты доносилось только недовольное бормотание старухи.

Тяжелый выдох Марины обдал теплом ушную раковину Геннадия Павловича. Калихин почувствовал, как расслабилось лежавшее на нем тело девушки. Но легче ему от этого не сделалось, скорее наоборот.

– Марина, – едва слышно простонал Геннадий Павлович. – Они ушли.

– Да, – ответила Марина, оставаясь при этом неподвижной, словно манекен, упавший под грудой навешанной на него одежды.

– Марина...

Это был уже даже не стон, а почти всхлип. Геннадий Павлович всем своим нутром ощущал, что еще немного – и он буквально окунется в воспоминания о далеких днях младенчества, когда казалось, что любую оплошность можно легко исправить. Ах, какие были времена!..

– Марина!.. – голос Геннадия Павловича сорвался на фальцет.

– Да, – снова произнесла Марина и начала быстро перемещаться в том направлении, где находились ноги Геннадия Павловича, которых он почти не чувствовал.

То, что теперь на него уже ничто не давило сверху, на какое-то время дало Геннадию Павловичу иллюзию облегчения. Впрочем, весьма ненадолго. Геннадий Павлович попытался подняться, но рука его скользнула по стене, которая почему-то оказалась влажной, он снова упал на спину и глухо, тупо и безнадежно застонал. Что-то негромко стукнуло, и Геннадий Павлович увидел полоску тусклого света. Как же он ему обрадовался! Калихин только сейчас всем сердцем почувствовал, насколько гнетущей была темнота, в которой он все это время находился. В темноте и сырости – как в могиле. Кошмарный сон, сбывшийся наяву.

– Геннадий Павлович, – услышал Калихин чуть приглушенный голос Марины. – Можете выходить.

– Спасибо, – зло буркнул он в ответ, но так тихо, что Марина ничего не услышала.

Да и ни к чему было ей это слышать.

Медленно, стараясь лишний раз не беспокоить многострадальный мочевой пузырь, Геннадий Павлович перевернулся на бок. Ног он почти не чувствовал, но все же ему удалось подтянуть их и встать на четвереньки. Разворачиваясь в направлении выхода, он ударился головой о стену. Но это было еще не самое плохое, – впереди его ожидало куда более ужасное испытание. Добравшись до дыры в полу стенного шкафа, Геннадий Павлович уцепился руками за края отверстия. Дверцы шкафа были широко распахнуты, а куртки и платья сдвинуты в стороны. Увидев над собой безмерно счастливое лицо Марины, Геннадий Павлович вымученно улыбнулся в ответ и попытался вылезти из убежища. Свобода была совсем близко, буквально в одном шаге. А там – дверь, коридор и благословенная кабинка туалета с вечно шипящим, треснувшим бачком унитаза. Но именно этот последний шаг сделать оказалось не просто. Онемение ног начало проходить, и Геннадий Павлович скривился от боли, когда тысячи иголок впились в икры.

– Марина! – крикнула из комнаты старуха. Голос у нее был хриплый, каркающий, точно у вороны, выучившейся говорить. – Марина! Ты меня слышишь?

– Слышу, бабушка, – ответила Марина, улыбаясь Геннадию Павловичу.

Геннадий Павлович попытался подтянуться на руках, и ему непременно бы это удалось, если бы не переполненный мочевой пузырь. Едва не плача от обиды и боли, Геннадий Павлович повис на краю отверстия, уперевшись подбородком в доску.

– Марина! – прокаркала из комнаты старуха. – Почему медсестра из поликлиники пришла сегодня так рано?

– Она пришла вовремя, – не оборачиваясь, ответила Марина.

Тень тревоги скользнула по лицу девушки, – она поняла, что с Геннадием Павловичем происходит что-то неладное. Опустившись на колени и пригнув голову, Марина заглянула Калихину в глаза.

– Геннадий Павлович?..

– Проклятие... – глотая слезы, простонал Геннадий Павлович.

– Все в порядке.

Сев на пол, Марина подхватила Геннадия Павловича под мышки и, уперевшись ногами в стену, потянула его на себя.

– Марина! – снова раздался из комнаты недовольный крик старухи. – Мне не понравилось, как сестра сделала мне сегодня укол! Мне было больно!

– Ты сказала ей об этом? – спросила Марина, помогая Геннадию Павловичу выбраться из убежища, превратившегося для него в ловушку.

– Нет, – ответила старуха. – Она ведь могла обидеться.

– Все правильно, бабушка...

По пояс вытянув тело Геннадия Павловича из-под пола, Марина завалилась на бок, укладывая Калихина на спину. Встав на четвереньки, она помогла Геннадию Павловичу вытащить ноги и, схватив стоявшую в стороне доску, аккуратно прикрыла дыру в полу.

Геннадий Павлович согнул ноги в коленях и попытался пошевелить пальцами. Болезненные ощущения, связанные с онемением мышц, почти исчезли, но ноги по-прежнему были словно ватные.

– Марина! – крикнула старуха. – Что ты там возишься в шкафу? Дай мне воды!

– Сейчас, бабушка. – Марина склонилась над Геннадием Павловичем. – С вами все в порядке?

Глотая слезы унижения и стыда, Геннадий Павлович нашел в себе силы лишь на то, чтобы молча кивнуть.

– Уже иду, бабушка! – Марина вскочила на ноги и выбежала из шкафа.

Слушая недовольное бормотание выжившей из ума старухи, Геннадий Павлович осторожно и медленно, дабы не потревожить мочевой пузырь, который теперь, казалось, занимал уже все пространство брюшной полости, отеснив куда-то на периферию желудок, печень и все восемь метров кишечника, перевернулся на бок, подогнул ноги и встал на четвереньки.

– Марина, а почему сегодня еще и врач приходил?

– Не знаю, бабушка... Мысленно сосчитав до десяти, Геннадий Павлович оперся рукой о стену и, чуть приподнявшись, ухватился другой рукой за тянущуюся через весь шкаф перекладину, рядом с цеплявшимися за нее крючками вешалок с поношенными куртками и вышедшими из моды платьями. После этого оставалось приложить еще одно последнее усилие, чтобы подняться в полный рост. Но движение вновь отдалось резкой болью внизу живота. Наверное, стоило сделать паузу, но Геннадий Павлович чувствовал, что внутренние функции его организма уже почти не подчиняются разуму и воле. В такой ситуации любое промедление могло оказаться роковым. Оттолкнувшись руками от стенки, Геннадий Павлович на подгибающихся ногах вывалился из шкафа.

Марина со стаканом в руке стояла возле кровати, на которой лежала старуха, укрытая под горло одеялом, делавшим ее тело неестественно огромным и бесформенным. Глаза у старухи были бледно-голубые, почти бесцветные, только черные точки зрачков придавали взгляду какую-то осмысленность.

– Кто это? – пристально глядя на Геннадия Павловича, спросила старуха.

– Это человек из инспекции, – быстро ответила Марина.

– А что он делал в шкафу?

Не дожидаясь, что скажет на это Марина, Геннадий Павлович ринулся к двери. Марина едва успела отскочить в сторону, иначе бы он непременно сбил ее с ног. С ходу ударив в дверь

открытой ладонью так, словно намеревался вышибить ее, Геннадий Павлович убедился в том, что дверь заперта. Рука его метнулась к замку, пальцы зацепились за защелку и изо всех сил рванули ее.

– Геннадий Павлович, ваши тапки! – раздался у него за спиной исполошенный крик Марины.

До тапок ли было Геннадию Павловичу!

Как был, босиком он выбежал в коридор и неровной рысцой припустился в дальний конец коридора, где располагалась комнатка, олицетворявшая сейчас для Геннадия Павловича все радости жизни, какие только мог вообразить себе разум смертного, устремленный в направлении идей, парящих над миром.

Глава 4

Геннадий Павлович не хотел вспоминать тот день. В целом все тогда закончилось, можно сказать, благополучно – он успел вовремя добраться до вожделенного места общественного пользования, которое, по счастью, оказалось незанятым. Но воспоминания об унижении, которое ему довелось пережить, еще долго бередили Геннадия Павловичу душу, не давая спокойно спать по ночам и заставляя испуганно вздрагивать при каждом звуке, доносившемся из-за запертой двери. Всякий раз, выходя по необходимости из комнаты, Геннадий Павлович панически боялся встретить в коридоре Марину. Вне всяких сомнений, им было о чем поговорить, – самостоятельно Геннадий Павлович не мог отыскать никакого разумного объяснения тому, что произошло в тот злополучный день. Но зайти к Марине Геннадий Павлович не решался. Когда же он думал о том, что Марина сама может постучать в дверь его комнаты, Геннадия Павловича охватывал безотчетный страх – горло словно резиновый жгут перетягивал, сердце замирало в груди, а шершавый язык прилипал к пересохшему небу. В такие мгновения – по счастью, это были только мгновения – Геннадий Павлович самому себе делался противен.

В день его позора Марина повела себя в высшей степени деликатно. Она не стала подстерегать Геннадия Павловича на обратном пути в комнату. А выглянув через пару часов за дверь – нужно было добраться до кухни, чтобы приготовить что-нибудь поесть, – Геннадий Павлович обнаружил у порога свои тапочки, а на дверной ручке висело полотенце, которое он также потерял во время постыдного бегства из комнаты Марины. Разве мог он после этого разговаривать с ней так, словно ничего не случилось?

Но когда Геннадий Павлович пытался самостоятельно во всем разобраться, вопросы наслаивались один на другой, превращаясь в подобие стеклянной мозаики, по которой скачут разноцветные солнечные зайчики, раздражая и не давая возможности охватить единым взором всю картину. И чем старательнее пытался Геннадий Павлович отыскать ускользающий смысл в непрерывном мелькании цветов и форм, тем труднее было уловить в нем хоть какие-то закономерности.

Так и не собравшись с духом для того, чтобы встретиться с Мариной, Геннадий Павлович решил переговорить с обитавшими в квартире стариками, которые, по словам Марины, представляли собой главный объект интересов ответственных исполнителей программы генетического картирования.

Первым Геннадий Павлович отловил на кухне старика Сивкина, который, что-то бормоча себе под нос, варил на плите кашу из ген-модифицированной сои. На вид варево было не особо аппетитным, но запах от него шел как от мясного бульона. Геннадий Павлович и сам одно время увлекался соевыми продуктами – недорого и почти что вкусно, – но до тех пор, пока Юлик Коптев не объяснил ему популярно, к каким весьма нежелательным последствиям это может привести, когда выведением и распространением новых ген-модифицированных сортов растений занимается всяк кому не лень и у кого есть деньги, чтобы купить лицензию. Услышав о программе генетического картирования, Сивкин вначале долго чесал за ухом, после чего начал допытываться у Геннадия Павловича, что это за программа такая и можно ли ее поймать по комнатной антенне, или же непременно нужно купить тарелку? В результате беседы, по большей части беспредметной, продолжавшейся около часа, Геннадий Павлович выяснил, что ни о какой инспекции Сивкин даже не слышал, но зато два дня назад, именно в то время, когда Геннадий Павлович с Мариной прятались в норе под стенным шкафом, к Сивкину заходили двое водопроводчиков.

– Водопроводчики? – удивленно переспросил Геннадий Павлович.

Что было делать водопроводчикам, да еще сразу двоим, в комнате, где даже раковины не было?

– Ну да, – уверенно кивнул Сивкин. – Водопроводчики.

– И что им было нужно?

– Откуда мне знать? – с безразличным видом дернул плечом Сивкин. – Пришли, проверили все, что нужно, и ушли.

Что именно проверяли водопроводчики в комнате Сивкина, Геннадию Павловичу выяснить так и не удалось, – доев кашу из сои с мясным запахом и уяснив между делом, что программа генетического картирования по телевидению не транслируется, Сивкин утратил интерес к продолжению беседы.

Следующим, с кем завел разговор об инспекции Геннадий Павлович, оказался Потемкин. Но память Потемкина была похожа на семейный фотоальбом, из которого нерадивые потомки вначале высыпали все фотографии, а затем расставили их в произвольном порядке, не обращая внимания ни на даты, проставленные на снимках, ни на возрастные изменения запечатленных на них лиц. Для Потемкина события, имевшие место десять лет назад и произошедшие только вчера, были совершенно равнозначны, поэтому вначале он никак не мог взять в толк, что хочет узнать у него Геннадий Павлович, а затем, обнаружив в своих воспоминаниях похожий случай, принялся подробнейшим образом расписывать его.

Не в пример результативнее оказался разговор со Шпетом. Геннадий Павлович заглянул к Марку Захаровичу под тем предлогом, что ему якобы нужно проверить часы, которые, как ему казалось, начали отставать. Между делом Геннадий Павлович поинтересовался у соседа, не слышал ли он чего о визите инспекции? Марку Захаровичу об инспекции было известно. И даже более того, он беседовал с двумя очень милыми, как он сказал, девушками, которые вручили ему брошюру, популярно объясняющую необходимость всеобщего генетического картирования, и листочек с адресами ближайших кабинетов, где можно сдать анализ.

– Вы уже там были? – поинтересовался Геннадий Павлович, взглянув на список.

– А куда торопиться? – вопросом на вопрос ответил Марк Захарович. – Если очень нужно будет, еще раз придут.

Геннадию Павловичу было что ответить, но он решил не затевать спор, предмет которого был ему самому не до конца ясен.

– А про Семяцкого слышали? – спросил Шпет, когда Геннадий Павлович уже собирался уходить.

– А что Семяцкий? – удивленно посмотрел на соседа Геннадий Павлович.

– Так забрали его, – ответил Марк Захарович и не то усмехнулся при этом, не то поморщился, словно от зубной боли.

– Как это «забрали»? – Геннадий Павлович вспомнил о том, как в дверь к Семяцкому кто-то постучал, когда сам он прятался в комнате у Марины.

– Как обычно, – Шпет снова как-то странно дернул уголком рта. – Стало старику плохо. Приехали врачи. Сказали, что дело серьезное, и выписали направление в интернат для физически неполноценных.

– А что, Семяцкий и в самом деле был настолько плох?

– Не плох он был, а стар, – уточнил Шпет. – А когда старый, то сегодня можешь вообразить себя героем-любовником, а на следующий день – концы отдашь. – Словно желая проиллюстрировать свои слова, Марк Захарович открытой ладонью изобразил в воздухе какую-то странную загогулину. – Вот так-то.

– Да, – кивнул, соглашаясь, Геннадий Павлович. – Быть может, Семяцкому в интернате лучше будет. Там о нем, по крайней мере, будет кому позаботиться.

– Может быть, – на лице Марка Захаровича вновь появился в высшей степени неприятный, непонятно что означающий полуоскал. – Да только не довезли его до места, скончался по дороге.

– Жалко старика, – с сочувствием качнул головой Геннадий Павлович.

– Жалко, – безучастно повторил Шпет.

Выйдя из комнаты Шпета, Геннадий Павлович направился было к своей, но, неожиданно изменив решение, пошел в противоположный конец коридора. Прорезь дверного замка комнаты Семяцкого оказалась заклеенной полоской бумаги с круглой синей печатью: «Инспекция ПГК». Рядом от руки было проставлено число – тот самый, надолго запомнившийся Геннадию Павловичу день! – удостоверенное чьей-то неразборчивой подписью. Три заглавные буквы «ПГК» могли означать все что угодно, в том числе и «Программа генетического картирования». Хотя какое отношение могла иметь эта программа к выселению старика Семяцкого из комнаты, которую он давно уже занимал на законных, следует полагать, основаниях?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.